

ТИЛЛИ КОУЛ

*У всех у нас есть тайны, что спрятаны
в глубине сердец...*

Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул

Тилли Коул

Братья Карилло. Когда мы упали

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коул Т.

Братья Карилло. Когда мы упали / Т. Коул — «Эксмо»,
2014 — (Freedom. Любовь до мурашек. Бестселлеры Тилли Коул)

ISBN 978-5-04-162452-1

Лекси – красивая девушка из группы поддержки футбольной команды «Кримсон Тайд». Учеба, друзья, любящая семья и чирлидинг – у нее есть все, о чем она мечтала. Но Лекси мучает анорексия, которая может стоить ей жизни. И она, будто по спирали, скатывается в бездну своего самого сильного страха. Остин – итальянец-плохиш из университета Алабамы. Шесть футов четыре дюйма, пирсинг и татуировки с головы до пят, черные глаза. Остин вырос в мире, который лучше не знать, без права на выбор лучшей судьбы. И когда семейные трагедии вновь обрушиваются на его сильные плечи, он чувствует, что падает на дно. Еще не зная о том, что Лекси может его спасти. Смогут ли две искалеченных души обрести вместе мир и гармонию? Или же им суждено проиграть обстоятельствам, грозящим их уничтожить?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-162452-1

© Коул Т., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Посвящается	6
Предисловие	7
Пролог	9
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тилли Коул

Братья Карилло. Когда мы упали

Tillie Cole

Sweet fall

© 2014 by Tillie Cole

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Посвящается

Всем тем, кто ощущает себя потерянным, неуверенным или ущербным.

Дышите глубоко. Будьте сильными. Смелыми.

А если сдались, взгляните на звезды, потянитесь к их сиянию.

Встаньте во весь рост наравне со всеми.

Вы не ущербны...

Вы прекрасны.

Предисловие

Пока вы еще не начали читать роман, я бы хотела воспользоваться случаем, чтобы объяснить кое-что по поводу характера Лексингтон Харт, главной героини.

Лекси страдает заболеванием, которому подвержены многие. В том числе и я сама.

Прошу, поймите, я довольно редко говорю об этой части своей жизни. Просто чувствую: прежде чем вы погрузитесь в страницы «Сладкого поражения», нужны кое-какие пояснения.

Итак – глубокий вдох – вперед...

В четырнадцать лет у меня развилась болезнь, которая, к сожалению, стала темным пятном в жизни. Я страдала от нее большую часть подросткового возраста, да и позднее она несколько раз напоминала о себе. Вновь и вновь я поддавалась ей, но, к счастью, каждый раз мне удавалось оправиться.

Болезнь, о которой я говорю, весьма скрытная. Я бы даже сказала, тайная. Она застала меня врасплох и породила кучу проблем, с которыми я все еще борюсь сегодня.

Теперь-то я знаю, что полностью болезнь не исчезнет.

Годами я неистово сражалась с ней, зачастую проигрывая в битве. Она вцепилась в меня, будто когтями. И я не уверена, что без помощи и поддержки лучших друзей, родителей, педагогов в театральной школе и моего мужа (тогда еще бойфренда) вообще смогла бы поправиться.

Из-за болезни мне даже пришлось отказаться от самой большой страсти в жизни – музыкального театра. Я просто понимала, что под гнетом ее не сумею достичь совершенства. Я заболела и больше не смогла заниматься любимым делом. В то время меня это сломило. Но нужно учиться двигаться вперед и находить вдохновение в чем-то другом. Пустить страсть в другое русло.

В этом романе словесная и внутренняя борьба Лекси во многом основаны на личных размышлениях и привычках, сопровождавших меня тогда, в самое темное время жизни. Цель у этого одна – показать читателям романа повседневную жизнь человека, столкнувшегося с этой особой проблемой, без прикрас, как она есть.

Люди по-разному переносят ужасный недуг. Этот роман родился лишь на основе МОЕГО опыта. Не все справляются с болезнью одинаково. Я не психолог, не врач. Я не пытаюсь обосновать заболевание с медицинской или научной точки зрения. Это всего лишь мой собственный опыт. Проблема Лекси в романе описана так, как подсказало мне сердце.

Решение писать на эту тему далось нелегко. Я редко с кем-либо обсуждаю ту часть своей жизни. Большинству моих родственников тяжело даже читать отдельные моменты романа. Ведь теперь они наконец поняли, что я перенесла тогда. А многие прямо сейчас живут с этой проблемой. Я стараюсь не задерживаться на этой главе своей жизни. В какой-то степени я преодолела болезнь. Выиграла самую главную битву. Но многие этого не сумели.

Этот роман, пятый по счету, стал самым трудным и эмоционально мучительным из всех, что я когда-либо писала, но также превратился в величайшее мое достижение. Я взломала тяжелый железный замок, что сдерживал чувства, которые я пыталась скрыть от всех знакомых. И описывая удивительную, но такую беспокойную героиню по имени Лекси, столкнулась лицом к лицу со своими страхами. Мне даже пришлось бороться с кое-какими демонами, что до сих пор скрывались в самых укромных тайниках разума. И теперь я чувствую себя более свободной и спокойной. И благодарна за это.

Если этот роман поможет хотя бы одному человеку, столкнувшемуся с подобной болезнью, научит, как можно понять друзей и членов семьи, страдающих от этого недуга, значит, эмоциональная очистка и самоанализ не пропали даром.

Если «Когда мы упали» прольет хоть какой-то свет на эту проблему, я буду очень довольна.

«Если бы мы знали тайны друг друга, какую поддержку мы бы нашли».
Джон Чертон Коллинз

*Со мной говоришь на рассвете,
С рождением новой зари.
Твердишь об особой диете,
Ругаешь: «А ну не дури!
Ты сможешь достичь совершенства,
Лишь только вмешаться позволь».
И я ощущаю блаженство,
Уходят и голод, и боль.
Ты вместе со мной непрестанно,
Но выбора, кажется, нет.
Ты друг мне и враг, моя Ана,
Твой голос я слышу в ответ...*

Тилли Коул

Пролог

Милая Дейзи,

Вес: 98 фунтов¹

Калории: 2000

Это мое первое письмо к тебе. Точнее, первая запись в дневнике.

С тех пор как ты покинула меня, я даже не знаю, с кем можно поговорить. Поэтому решила продолжать беседы с тобой... с помощью ручки и бумаги. Вместо ночных разговоров по телефону о достигнутых за день успехах я буду все рассказывать здесь. О своем весе и съеденных калориях... как и прежде.

Но ведь что-то изменилось, правда?

Теперь все иначе. Не хватает понимания, но уж что есть... Это все, что осталось от тебя, Дейзи, самой близкой моей подруги.

Я сижу сейчас здесь, под палящим летним солнцем, в тени огромной сосны... рядом с твоей могилой. Могилой, Дейзи! Как дошло до такого?

Я касаюсь рукой блестящего надгробия из черного гранита, обвожу края таблички с посмертной надписью:

«Она прятала слезы, но делилась улыбками».

Это про тебя, Дейзи. С улыбкой на лице, но внутри – слишком хрупкая для этого мира. Хотя внешне это никак не проявлялось. Ты всегда улыбалась, невзирая на боль. Надевала маску, убеждая окружающих, что все в порядке. Но в то же время умирала изнутри.

Я знаю об этом, поскольку тоже ношу маску.

Для меня ты всегда была опорой. Лишь на тебя одну я могла положиться. Но ты бросила меня, и я потерялась. Без тебя я не могу отыскать свое место в этом мире, пугающем и полном боли, где постоянно требуется быть совершенной.

Так не должно было случиться. Предполагалось, что мы пойдем по жизни рядом. Чтобы вместе выжить. Подобно цветку, в честь которого тебя называли², ты расцвела на какое-то время. Совсем ненадолго. Но оказалась слишком нежной, поэтому просто увяла и погибла.

Последние слова, что ты сказала мне, и для тебя самой имели значение. Делать то, что пугает, и дорожить каждым днем. И я постараюсь. Обещаю, в этом году я приложу все силы. Но меня уже терзают мрачные предчувствия. Постоянно не дает покоя неуверенность.

Я не знаю, как избавиться от страшных мыслей... о его ужасных словах.

Голос в сознании очень силен. Лишь ты смогла бы понять, на что это похоже. Боюсь, когда тебя не будет рядом, он победит. И я проиграю в этой беспрестанной борьбе. Без тебя я прислушаюсь к его словам и окажусь в стальных тисках своего величайшего страха.

О, Дейзи, я сижу здесь, на тихом и мирном кладбище, но какая-то часть меня хотела бы оказаться с тобой на небесах. Не уверена, что я достаточно сильна и смогу продолжать в том же духе. Даже сейчас голос дразнит меня, насмехаясь из самых глубин разума.

«Ты отвратительна. Как бельмо на глазу», – постоянно повторяет он мне, днем и ночью, не позволяя мечтать, побуждая его уступить.

Дейзи, боюсь, что без тебя я сдамся... снова.

¹ Фунт – единица измерения массы, равна примерно 0,45 кг.

² Daisy (англ.) – маргаритка.

Глава 1

Лекси

*Университет Алабамы,
Таскалуса, Соединенные Штаты Америки
Три месяца спустя...*

Десятки тысяч ног топали по трибунам, по звуку напоминая раскаты грома, обрушившегося на стадион «Брайант-Денни». С поля в туннель врывались запахи травы, летнего дня, пота и адреналина.

День игры. Знаменитый первый матч «Кримсон Тайд»³ из Алабамы против «Чаттануга Мокс».

Сердце бешено колотилось, ладони вспотели, и я расправила алую форму, просто чтобы чем-то занять дрожащие руки. Кто-то щелкнул пальцами возле моего лица. Подняв голову, я наткнулась взглядом на капитана команды, Шелли Блэр.

– Ты готова? – резко спросила она, и ее идеально прямые длинные рыжие волосы рассыпались по плечам. Я кивнула и выпрямилась. На губах ее мелькнула самодовольная ухмылка. – Тебе же лучше, девочка-гот. Сегодня там собрались восемьдесят тысяч человек, а ты где-то витаешь. – Она наклонилась ближе. – Ничего не напутай. Докажи, что достойна места в команде.

Девочка-гот. Так Шелли намекала на черные волосы до плеч, белый тональный крем и глаза с темной подводкой.

– Не напутая, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

Она лишь коротко кивнула в ответ, кажется, даже слегка удивленно. А потом отвернулась и заняла свое место во главе большой группы студентов.

– Ты справишься, Лекси, детка, – проговорил Лайл, еще один член команды, входящий в состав трюковой группы, и игриво подтолкнул меня локтем.

Мне потребовалось четыре года, чтобы сегодняшний день стал реальностью. И я смогла вернуться в группу. Многие в команде спрашивали, почему я решила попробовать свои силы лишь на последнем курсе, не раньше. Но стоило показать им тройное сальто, и вопросов больше не возникло. Меня сразу же приняли в Алую команду. В самую лучшую; ту, что сопровождала футбольные матчи дома и на выезде. Все, кто хотел стать частью группы поддержки, стремились попасть именно в нее.

Мелькнула мысль, что мне придется столкнуться лицом к лицу со всеми студентами, а из одежды на мне лишь крошечная форма.

– Меня тошнит, – призналась я Лайлу.

Он протянул мне бутылку с голубым изотоником⁴.

– Выпей это, а потом в бой, синичка. Наш выход через две минуты.

Я последовала его совету и глубоко вздохнула.

Две минуты.

Сто двадцать секунд.

И все, над чем я работала годами, станет реальностью.

Вся реабилитация и тяжкий труд вели лишь к одной цели.

К этому моменту.

К единственной возможности вновь обрести контроль над собственными демонами.

³ Crimson Tide (англ.) – «Алый прилив».

⁴ Изотоники – напитки, употребление которых поддерживает водно-солевой баланс в организме во время занятий спортом.

Столкнуться лицом к лицу с величайшим своим страхом.

С тем, что завело меня во тьму.

И преодолеть все то, что чуть меня не убило.

Заиграла группа «Миллион долларов». Со своего места я наблюдала за их причудливым размещением. Отгремели барабаны. На пике выводимой трубами мелодии сквозь нашу группу протолкался Большой Эл, школьный талисман в образе слона, и начал метаться по полю. Его впечатляющее появление еще больше взволновало собравшихся.

Болельщики «Тайда» словно обезумели.

Я подпрыгнула на месте, готовясь выбежать на поле, и ощутила, будто ноги налились свинцом.

«Ты справишься, Лекс. Спускового крючка больше нет», – убеждала я себя, мысленно повторяя эти слова, словно мантру.

«Ты в этом уверена, Лексингтон? Окружающие увидят тебя. Все твои прыжки, повороты и трюки».

Когда в мысли проник знакомый голос, я застыла на месте и крепко зажмурилась, отчаянно пытаюсь его заглушить.

«Я здорова и хорошо выгляжу, – убеждала я себя, изо всех сил пытаюсь сопротивляться его злым замечаниям. – Отличная спортсменка, превосходная чирлидерша, лучшая гимнастка».

«Ну, я так не думаю. Взгляни на Шелли. Вот она совершенна. Стройная, миловидная. В отличие от тебя».

«Заткнись!» – мысленно потребовала я, сдавила пальцами переносицу и ритмично задышала, стараясь сопротивляться насмешливым словам голоса.

«Ты слишком тяжелая, чтобы лезть наверх. Члены трюковой группы, стоящие внизу, решат, что ты слишком толстая. Они станут глумиться над тобой, издеваться... просто смеяться», – язвительно произнес голос.

«Нет! Ошибаешься. Хватит! Ты не сможешь победить. Я больше не попадусь в твою ловушку!» – мысленно закричала я, и разум окутала блаженная тишина. Облегченно вздохнув, я открыла глаза. Голос исчез. Я выиграла битву, но понимала, что война еще не окончена.

Я быстро окинула взглядом туннель. И расслабилась, поняв, что прошло всего несколько секунд.

Внезапно в поле зрения возник Лайл.

– Готова, синичка? – весело спросил он.

Я кивнула. Меня охватило нервное возбуждение.

Вот ради чего я жила.

День игры.

Его атмосфера.

Любимое занятие.

Я по нему скучала.

Тосковала.

И хотела вернуться.

Толпа взорвалась криками, когда Шелли отделилась от группы и выскочила на поле. Нервно дернувшись в предвкушении, я побежала, позволяя привычным к подобному ногам нести меня вперед, в центр всеобщего внимания, на собственную сцену, наполненную светом прожекторов и лучами палящего солнца.

Сердце сжалось при виде заполненных трибун, расцвеченных собравшимися в красный и белый так, что издали они походили на лоскутное одеяло, огромной группы музыкантов, команды поддержки в белых костюмах на противоположной стороне поля, девчонок в толпе, призванных повышать всеобщий настрой, рупоров... Волнующие ощущения.

Добравшись до боковой линии, я заняла свое место. Шелли завела вступительный напев. – «Кримсон Тайд», поднимись, накатысь, – пели в унисон восемьдесят тысяч человек.

Я двигалась с идеальной точностью, подхваченная мощной волной танца, громко и отчетливо напевая слова, а реакция толпы лишь придавала мне сил.

Комментатор взял микрофон и громким голосом вызвал на поле команду. Шум на стадионе стал оглушительным. Сердце мое билось ровно, попадая в такт с топотом ног толпы. Но вот из туннеля показался Джимми-Дон, тэкл нападения⁵, парень моей лучшей подруги Касс, а за ним Остин Карилло, звездный ресивер⁶, весь в татуировках.

Остальная часть команды хлынула из туннеля, словно покидающий крепость отряд. Боевое братство. Последним на поле появился Роум Принс по прозвищу Пуля, знаменитый квотербек Юго-восточной футбольной конференции, и толпа просто обезумела.

Но вскоре все стихло, игроки заняли свои места. Раздался громкий свисток, возвещающий начало игры.

* * *

Три часа спустя мы победили. Карилло записал на свой счет три тачдауна⁷, и «Тайд» вырвал победу у «Мокс». Отличное начало сезона.

Через какое-то время люди начали покидать стадион, и члены группы поддержки, окрыленные победой, побежали обратно в туннель.

Я шагала сзади, наблюдая за происходящим, и вскоре осталась одна. Странно было видеть стадион таким тихим, даже чуть трагичным, словно после какой-то большой катастрофы. Все трибуны усеяли красные пластиковые стаканчики, по траве рассыпались кружочки конфетти, во влажном воздухе висел тяжелый запах несвежего пива.

– Странно все это, – произнес рядом со мной низкий голос с отчетливо заметным акцентом.

От неожиданности выронив помпоны, я приложила руку к груди. Уловив боковым зрением алую майку, подняла взгляд, заслонив ладонью глаза от слепящего солнца. И внезапно у меня перехватило дыхание.

– П-прости, что? – тихо спросила я, откидывая голову назад, чтоб увидеть лицо парня.

Рядом мелькнула тень, а потом возник он. Остин Карилло, ресивер под номером восемьдесят три.

Покинув укромное местечко рядом с трибунами и туннелем для игроков, Карилло подошел ко мне ближе.

– Вот это. Затишье после бури, – он махнул рукой в сторону пустого стадиона. – Это моя любимая часть игры.

Я проследила за движением его руки.

– А разве не три заработанных тачдауна?

Он неохотно усмехнулся уголками губ. За три года учебы я время от времени видела Карилло в кампусе. И, кажется, впервые заметила на его лице нечто, хоть как-то напоминающее улыбку. Но подобное не удивляло. Парень походил на меня – мрачный, спокойный, замкнутый.

Остин Карилло – итальянский плохиш из университета Алабамы. Шесть футов четыре дюйма, оливкового оттенка кожа, повсюду пирсинг, черные тоннели в ушах, татуировки с головы до пят, темные волосы и очень темные карие глаза.

⁵ Тэкл нападения (оффенсив тэкл) – в американском футболе игрок, чьей задачей является блокирование игроков соперника во время выносных и пасовых комбинаций.

⁶ Ресивер – в американском футболе игрок, специализирующийся на приеме пасов.

⁷ Тачдаун – пересечение мячом или игроком с мячом линии зачетного поля соперника в американском футболе.

Я почувствовала, что краснею. Парень подобного типа – в самый раз для меня. Но я ни с кем не встречалась, и, судя по слухам, он тоже.

– Не-а. Мне нравится другое. Стоя прямо на поле, вновь мысленно прокручивать игру, вспоминая о происходившем.

Его слова звучали умиротворяюще.

– Я понимаю, о чем ты, – задумчиво проговорила я, вдыхая запах жирной еды, взрытой травы... Победы.

Остин взглянул на туннель и, не сказав больше ни слова, неторопливо зашагал прочь. Я вновь обвела взглядом футбольное поле и облегченно вздохнула... Я справилась. И в самом деле пережила игру и осталась невредимой.

Внутреннему голосу не хватило сил ее испортить.

– Кстати, сейчас самое время! – Вдруг услышала я и, обернувшись, увидела Карилло.

– Это ты мне? – в замешательстве спросила я, оглядываясь вокруг, чтобы понять, есть ли здесь кто-то еще.

Остин мрачно ухмыльнулся и указал на мое лицо и волосы.

– Да, тебе. Самое время цыпочке с помпонами сломать устои. Хорошо, что в этой команде есть еще кто-то из нас, ненормальных.

«Кто-то из нас, ненормальных?» – мысленно проговорила я, наблюдая, как он исчез в раздевалке. Сердце бешено колотилось в груди. Подняв руку, я провела пальцами по черным волосам, коснулась губ с темной помадой. И ощутила трепет в груди... Кто-то из нас, ненормальных...

Заметив входящую на стадион бригаду уборщиков, я быстро наклонилась и сорвала с поля травинку. Для меня это стало традицией. Сувенир на память о каждой игре, в которой я принимала участие... Это будет первая реликвия за четыре года.

Символ новой жизни.

Подобрав помпоны, я направилась в раздевалку. Мне очень хотелось попасть домой и написать обо всем Дейзи.

Глава 2

Остин

– Надо же, парень! Четыре и две десятых в забеге на сорок ярдов! Продолжай в том же духе, и, без сомнений, попадешь в первый или второй раунд отбора, – прокричал тренер Клайн, с которым я занимался бегом, стоило мне пересечь сорокаярдовую отметку.

Прошло уже несколько дней после игры с «Мокс», и футбольные тренировки не давали расслабиться.

Я согнулся, пытаюсь перевести дух, и услышал:

– Карилло, сейчас же в кабинет тренера!

Выпрямившись, я оглядел поле и заметил тренера Мура, который учил нас строить защиту. Он махнул мне рукой в сторону офиса.

Я посмотрел на тренера Клайна.

– Что я сделал?

Он нахмурился и покачал головой.

– Понятия не имею, сынок. Ступай туда и узнай. И нам нужно еще кое-что отработать.

Не прошло и двух минут, как я оказался у кабинета тренера и дважды постучал по двери из полированного дерева.

– Входи, Карилло, – позвал сидящий за столом тренер. Когда он не работал на поле, то всегда находился здесь.

Я вошел в кабинет и сел напротив тренера. Он поднял взгляд от лежавшей на столе кучи бумаг, снял очки и мягко потер область вокруг глаз.

Не очень хороший признак. Он чем-то встревожен.

– Зачем я здесь, тренер? – настороженно проговорил я.

Поставив локти на стол, он наклонился вперед и посмотрел мне прямо в глаза.

– Сегодня звонил декан.

– Хорошо. И при чем здесь я? – с нажимом спросил я. За три года здесь, в «Тайде», я не сделал ничего плохого. Мне нечего было скрывать. Особенно от тренера.

– В кампусе возникла проблема, и он попросил меня поговорить с тобой. Вдруг ты что-то знаешь.

– Что за проблема? – озадаченно поинтересовался я.

– Проблема с наркотиками, – прямо ответил он, явно ожидая, что я скажу что-нибудь в ответ.

Вот оно что. В кампусе появились наркотики, и они тут же подумали обо мне.

– Я с этим никак не связан, – натянуто проговорил я.

Тренер только кивнул.

– На тебя я и не думал, – пояснил он.

Внутри у меня все перевернулось.

– Но почему вы так сказали? Кто, по-вашему, здесь замешан?

Я, конечно, знал, но хотел услышать все от него. Пусть обвинение против моего рода прозвучит вслух.

– Поговаривают, что в кампусе видели человека, похожего на тебя, который торговал наркотиками. – Он вздохнул. – Похожего на тебя, Остин. Слышишь? И мне на ум приходит только один вариант. – Он помолчал немного, а я ждал. Просто ждал. Чтобы услышать все из его уст. – Ладно, сынок. Я назову имя. Аксель. Думаю, это твой брат.

Я недоверчиво рассмеялся и покачал головой.

– Не надо, тренер. Только не вы! Не нужно так со мной! Какой-то отморозок появляется в кампусе, торгует наркотой, и вы тут же вспоминаете о старых связях мальчика-стипендиата из трущоб с Холмчами. Правда?

Тренер попытался что-то сказать.

– Ост...

– Это не он, – перебил я и заговорил холодно и жестко. – Он бы так не поступил. Не принес бы сюда эту дрянь. Он – член семьи. А в семье не обманывают друг друга.

Черт, да я просто взбесился.

Тренер встал и поднял руки, пытаясь меня успокоить.

– Остин, я не говорю, что это он. Просто некоторые студенты смогли опознать замешанную в дело банду. У дилера на левой щеке была татуировка в форме звезды. Такая же, как у тебя. А всем известно, что звезды означают...

– Холмчих. Мою банду.

Тренер недовольно покачал головой и, обойдя стол, встал возле меня.

– Давай на этом остановимся. Эта банда больше не твоя. Ты смог уйти...

– Оттуда не уходят. Лишь дураки в это верят, – решительно проговорил я.

Тренер сжал мне плечо.

– Ты ушел. И пришел сюда. В конце года пройдешь отбор в Национальную футбольную лигу и уедешь отсюда. Все это осталось в прошлом.

Я опустил голову, и тренер убрал руку. Глубоко вздохнув, я взглянул ему прямо в глаза.

– Я знаю, что он сидел в колонии и нажил себе плохую славу. Но семья для нас на первом месте. Всегда. Мы итальянцы, тренер. Семья всегда в приоритете. Может, Аксель выбрал не лучшую жизнь, но он не мог этого сделать. Он бы не поступил так... со мной.

Тренер несколько секунд разглядывал пол, потом кивнул.

– Я тебе верю. И скажу декану, что это не он, а ты не в курсе дела. Пусть он ищет в другом месте.

Тугой комок напряжения внутри меня начал медленно ослабевать. Я почувствовал, что снова могу дышать.

– Остин, я знаю, что у вас в доме нет мужского влияния. Отец повел себя с вами не лучшим образом. Вы, мальчики, оказались в трудной ситуации. И приложили все силы, чтобы заботиться о матери. Я понимаю, что вам пришлось нелегко – Акселю, Леви, тебе самому. Но у тебя есть шанс на лучшую жизнь, сынок. И тогда ты сможешь подарить маме весь мир. Направь Леви на правильный путь. Черт возьми, надеюсь, в будущем этот парень попадет в «Тайд».

Я почти физически ощутил, как грудь пронзила боль. Лучшая жизнь для мамы. Но когда? Через девять или десять месяцев? Когда я пройду отбор и получу первую большую зарплату? У нее не было этих месяцев. Суровая правда, и тренер прекрасно все знал.

Ничего не ответив, я просто спросил:

– Теперь я могу идти, тренер?

Тренер вновь обогнул стол и занял свое место, снова надел очки.

– Ступай.

Я уже собрался выйти в коридор, но, взявшись за дверную ручку, обернулся.

– Я ценю вашу заботу обо мне, тренер, но на этот раз вы глубоко заблуждаетесь.

Тренер опустил голову, будто бы признавая правоту моих слов, но во взгляде его все еще читалось сомнение. Я вышел, закрыл за собой дверь и прислонился лбом к деревянному косяку.

– Черт возьми, парень, и что все это значит?

Я медленно выдохнул через нос и обернулся. Мои лучшие друзья, Джимми-Дон Смит и Роум Принс, привалились к противоположной стене. Здоровяк Джимми-Дон – тэкл из Техаса – оказался самым лучшим парнем из всех, что я когда-либо встречал. Роум Принс был мне как

брат. Черт возьми, да я ладил с ним лучше, чем с собственными братьями. Самый талантливый парень из всех, с кем я когда-либо играл. Хотя он так не думал. И самый скромный. Благодаря длинным светлым волосам и подтянутому телу девчонки по нему с ума сходили. На первый взгляд все в нем казалось идеальным. Но он был ненормальным, как и я, и единственный знал, каков же я на самом деле.

Я ничего не ответил на заданный Джей-Ди вопрос. Парни переглянулись, и Роум с беспокойством на лице подошел ближе.

– Ты в порядке?

Проведя ладонями по лицу, я подбородком указал им на комнату отдыха для игроков. Оказавшись внутри, Роум жестом велел Джимми-Дону запереть дверь. Мы плюхнулись на диваны.

– Ну так что? – настойчиво спросил Роум. Терпением он не отличался. Вот за что мне нравился Роум – прямо к делу, не ходя вокруг да около. Напротив, Джимми-Дон вел себя расслабленно. Можно сказать, весьма нескромные размеры его тела вполне соответствовали степени спокойствия.

– В кампусе появились наркотики. Тренер думает, что здесь замешан Аксель и Холмчие. Роум откинулся на спинку стула и расстроено стиснул зубы.

– Черт. Опять это дерьмо.

Я знал Роума почти всю свою жизнь. Черт, да когда мы были детьми, он практически жил у нас в доме. Сын мультимиллионера, нефтяного магната, ночевал на полу моей спальни в трейлере, потому что его отцу нравилось использовать мальчика в качестве боксерской груши. В подростковом возрасте Роум видел, как нас со старшим братом приняли в банду, и просто обезумел. В основном из-за него я и выбрался. Он отказался играть в «Тайде», если меня тоже не примут в команду. Этот парень изменил мою жизнь. И он ненавидел Акселя.

– И что ты ему сказал? – спросил Джимми-Дон. Я редко видел здоровяка настолько серьезным. Никаких шуток. И глупых комментариев. Он знал, чем эта дрянь может обернуться для меня. Как повлияет на мою карьеру... И всю жизнь.

– Сказал ему чертову правду. Это не Аксель. Он бы так со мной не поступил. Только не здесь. Не сейчас. Он не стал бы разрушать мои мечты, когда они уже замаячили на горизонте. Джимми-Дон взглянул на Роума, но тот только качнул головой.

– А ты, восемьдесят третий, гребаный мечтатель, – откровенно проговорил он, используя вместо имени номер с моей майки. Он всегда так делал, еще с детских лет.

– Роум, не надо. Хоть ты не начинай, – произнес я как можно спокойнее.

– А я начну. Я знаю Акселя так же давно, как и тебя. И твой братец – бедовый парень, Ост.

– Роум, – простонал я.

– Ты ему ничего не должен, – отрезал он.

Я еще глубже откинулся на спинку дивана и запрокинул голову.

– Ты не прав.

– Чушь собачья! Если бы не этот придурок, ты бы никогда не связался с Холмчими!

– Если бы не этот придурок, я бы оттуда не выбрался. Так что я в долгу перед ним. Он будет прикрывать меня до самого конца. И к этой дряни в кампусе не имеет отношения. Я бы жизнью за это поручился.

Роум недоверчиво рассмеялся, но ничего не сказал. Повисшее между нами молчание лишь усилило напряжение. Поэтому, не глядя на друзей, я проговорил:

– Можете уйти? Хочу пару минут побыть один.

Я слышал, как они поднялись с дивана. Потом Роум громко хлопнул дверью.

Наконец я опустил взгляд и уставился на красный ковер на полу.

Я знал, что Роум заботится лишь обо мне. Но он не понимал, что значит быть бедным и каждый день бороться за выживание. Не представлял, как ребенок мог настолько проголо-

даться, чтобы рыться в мусорных баках возле ресторанов, надеясь отыскать что-нибудь, способное заглушить голодную боль в желудке. Не сознавал, что, когда малыш болел, не было даже таблеток, чтобы его вылечить. И никакой медицинской страховки. И оставалось лишь прибегать к услугам наркоторговцев из трейлерного парка в богом забытой части города. И, конечно, он не знал жизни внутри банды. Если вступишь в нее однажды, то останешься на всю жизнь... так что Роум не понимал, чем я обязан Акселю, ведь тот вытащил меня оттуда в семнадцать лет.

Наклонившись вперед, я почувствовал, как глаза наполнились слезами. Упершись локтями в колени, я обхватил голову руками и громко прошептал:

– Аксель. Прошу... пожалуйста, скажи, что это не ты...

Глава 3

Лекси

– Милая, ты посещаешь собрания в университете?

– Да, папа.

– И правильно питаешься? Общаешься с доктором Лундом?

– Папа! Я не пропустила ни одной встречи! Ни разу за все эти годы. Мы можем больше не ворошить эту тему каждый раз, как ты звонишь? – простонала я.

Папа какое-то время молчал, потом тихо заговорил:

– Лекси, ты на последнем курсе. Вступила в команду поддержки университета. Ты сама знаешь, что для тебя это сродни спусковому крючку. А с учетом учебной нагрузки воздействие становится сильнее. С тех пор как умерла Дейзи... – Все мускулы в теле мгновенно напряглись. – Ну, мы с мамой просто беспокоимся о том, как ты справляешься со всем этим. Не стоит нас винить.

Вздохнув, я зажала переносицу между большим и указательным пальцами.

– Знаю. Я в порядке, пап. Правда.

– Хорошо, милая. – В трубке стало тихо, потом папа прошептал: – Я так горжусь тобой. Ты уехала отсюда, поборолла все свои страхи и вернулась к нормальной жизни. Как бы мне хотелось тебя увидеть.

У меня сдавило горло, когда я услышала, сколько чувства прозвучало в папином голосе. Он не говорил так со мной с того дня, как я вышла из больницы.

– Я понимаю, пап. Но у тебя есть пациенты, которые требуют заботы. Они важнее, чем я, скачущая с группой поддержки.

Он тихо рассмеялся.

– Они важны, милая. Но я в жизни не был так счастлив, как когда наблюдал за твоим выступлением. В эти моменты по выражению лица я понимал, что сама душа твоя счастлива. Я уже давно тебя такой не видел.

– Я знаю, – мягко проговорила я.

– Не забывай нам звонить. И помни: если выдастся неудачный день, мы всегда здесь.

– Хорошо. Скажи маме, что я люблю ее.

– Будь сильной, милая.

С этими словами он повесил трубку. Но прошло несколько минут, а я все еще сжимала в руке мобильник. «Я понимал, что сама душа твоя счастлива». А я и не подозревала, что папа так думал. Хотя, когда голос вцепился в меня, мне было плевать на все и всех. Тогда я постоянно подсчитывала граммы жира и отказывалась от еды... стремясь к совершенству и удивительной стройности. Я думала лишь о себе. И о еде.

Я не была эгоисткой, консультации у психолога заставили это понять. Я просто заболела и не видела ничего, кроме своей цели... своего недуга.

Мне не нравилось думать о том времени. Я с трудом вспоминала о нем. Не из-за чувства вины, а потому, что могло возникнуть искушение вернуться. Оно будет преследовать меня всю жизнь. И всегда останется шанс, что я вновь ему поддамся. Но я зашла очень далеко, и сейчас даже мысли о сломленной юной девушке, какой я была тогда, причиняли боль.

Плюхнувшись обратно на кровать, покрытую черным стеганым покрывалом, я принялась изучать узоры на потолке своей комнаты в женском общежитии. Потом перевела взгляд на календарь на стене.

Прошло уже четыре года. Больше тысячи дней.

Четыре года назад, в этот самый день, меня признали исцелившейся. И родители позволили учиться в университете. Местном, конечно. Они бы ни за что не разрешили мне переехать в другой штат. Ведь, если бы случился рецидив, они не смогли бы вмешаться.

Исцелившаяся. Странное слово. Я-то знала, что не вылечилась. По крайней мере, не до конца. Я ежедневно, ежечасно боролась с желанием вернуться в то время. По-прежнему относилась к пище, как к врагу. И считала друзьями голод и чрезмерные физические нагрузки. Но я не хотела возвращаться. Просто не могла. Я стала сильнее. И лучше. Завела новых друзей, ничего не знавших о моем беспокойном прошлом. Я снова зажила нормальной жизнью и не собиралась от нее отказываться. Нужно продолжать двигаться вперед, не отступая, не сдаваясь.

«Лексингтон, ты прибавила в весе... – вмешался голос, который я так старалась подавить, навязчивое эхо в глубине сознания. – Бедрa стали шире... Да у тебя целлюлит. Ты же знаешь, как все исправить. Простопусти меня, сдайся...»

Он никогда не покидал меня. Всегда был там, ожидая подходящего момента, чтобы наброситься. Ждал, когда я достаточно ослабну и позволю ему вернуть контроль.

Покачив головой, я загнала его обратно в пещеру. Он больше не должен сбежать. В противном случае я буду знать, что рано или поздно он победит, и не смогу двигаться дальше. И тогда в конечном счете он убьет меня.

Я услышала стук, а потом дверь распахнулась, вырвав меня из мрачных мыслей. Касс, блондинка из Техаса, моя лучшая подруга. Девчонка, которая говорила все, что придет в голову. Поговорка не врал: в Техасе все большое, включая и саму Касс. Но я ей завидовала. Она принимала себя. Жила с этим. И гордилась своими объемами.

Увидев ее, я села на кровати и широко улыбнулась, играя роль беззаботной девушки. Той, что всегда носила на лице улыбку и пряталась за нанесенным макияжем. Заново придуманной девчонки, которая поступила в университет Алабамы, чтобы сбежать от своего прошлого. И все мои друзья по-настоящему знали лишь эту, вымышленную, Лекси.

– Эй, детка! Как дела? – Касс в джинсах со стразами и своей обычной обтягивающей черной майке влетела в комнату и плюхнулась на стоящий сбоку черный бархатный диванчик. – Что ты делаешь в постели в пять вечера? – Она вдруг уставилась на меня широко раскрытыми голубыми глазами. – Вот черт! Ты что, играла с фасолинкой? Тебе нужно... – Она склонила голову и, приставив ладонь к губам и словно скрываясь за ней, прошептала: – Уделить время Лекси?

Схватив подушку, я застонала и швырнула ее в голову Касс. Тем временем она подняла средний палец на левой руке, повертела им, изображая вибратор, и облизнула губы. Подушка прилетела ей прямо в лицо, и Касс сердито взглянула на меня.

– Ну ладно. Но нет ничего постыдного в том, чтобы получить удовольствие... Больше скажу! Я сама этим занимаюсь. Пару раз в день, по меньшей мере. Точнее, так было прежде. А теперь об этом заботится Джимми-Дон. Боже, что вытворяет этот парень одним лишь кончиком языка!

– Спасибо за информацию, Касс, – сухо проговорила я.

Она лишь дернула бровями в ответ.

– А где же Элли и Молли? – спросила я.

Благодаря экзотической внешности матери-испанки Элли казалась самой прелестной из когда-либо виденных мной девушек. Весьма одаренная Молли перевелась к нам из Британии. Она приехала в университет Алабамы несколько месяцев назад, чтобы получить здесь степень магистра. Под копной каштановых волос и очками с толстыми линзами скрывалась миловидная девчонка. И несмотря на то что Молли казалась весьма замкнутой, ей удалось привлечь внимание самого популярного парня в кампусе – Роума Принса по прозвищу Пуля, кузена Элли и знаменитого квотербека «Тайда».

– Значит, полагаю, учишься? – наконец проговорила Касс. Она поерзала на диване и, взглянув на слегка приоткрытую дверь, наклонилась вперед. – Какого черта происходит у Моллс с Роумом?

– Не знаю. Этого парня всегда волновали лишь друзья. А потом приехала Моллс, и вот он уже постоянно наблюдает за ней, пытается поговорить.

– Наверняка кого-то расспрашивал.

– Моллс говорила еще что-нибудь об этом? – спросила я.

Касс взглянула на меня, на лице ее отчетливо читалось сомнение.

– Не-а. Ты же знаешь, эта малышка не любит делиться своими чувствами. Но, черт возьми, Роум Принс! Чего бы я только не отдала, чтобы этот парень взял меня сзади!

Краем глаза я заметила движение у двери.

– Привет, Моллс! Привет, Элли!

Молли робко вошла в комнату, поправляя на носу черные очки с толстыми линзами. Шедшая следом Элли нахмурилась и с упреком взглянула на Касс.

– О чем вы говорили? Я слышала свое имя, – осторожно спросила Молли.

Я сглотнула и перевела взгляд на Касс, которая лишь небрежно откинулась на спинку дивана.

– Э-э... – пробормотала я, радуясь, что белый макияж скрыл вспыхнувшие от смущения щеки.

Касс закатила глаза.

– Мы говорили о том, что ты вся течешь от Роума Принса! Мистера Преврати-любую-киску-в-кран!

Элли сделала вид, будто ее тошнит.

– Касс! Он же мой кузен! Господи боже! Да этот парень мне как брат!

Карие глаза Молли за стеклами очков, казалось, стали еще больше, и она пробормотала:

– Черт возьми, Касс! Как можно быть настолько грубой!

Касс подмигнула.

– Ну ладно. Мы говорили о том, что у Принса Пули на тебя большой твердый стояк. – Она взглянула на Моллс. – Так лучше, твое величество?

Молли густо покраснела, и Элли обняла ее за плечи.

– Между нами ничего нет, – пробормотала Молли.

Казалось, даже Элли не поверила подобному заявлению.

– Чушь собачья! – отрезала Касс.

Молли бросила книги на мой комод и уперлась руками в бедра.

– Хватит, Касс!

Касс пожала плечами.

– Как скажешь, Моллс. Но ты скоро запрыгнешь в этот экспресс. Попомни мои слова.

Молли вздохнула и потерла переносицу.

– И почему я так волнуюсь? – прошептала она.

– Значит, теперь я со своим милашкой ковбоем Джей-Ди. Моллс о-о-очень скоро станет трахаться с Пулей. Элли... ну, она слишком красива, чтобы долго быть одной. И остаешься только ты, Лекси-секси, маленькая принцесса-гот, – проговорила Касс, подавшись вперед.

Молли с Элли уселись рядом со мной. Молли уставилась на деревянный пол. Как правило, Касс всегда вызывала у нашей скромной подруги из Англии состояние глубокого потрясения.

– Не думаю, Касс. Мне сейчас не до парней, спасибо, – заверила я.

Касс кивнула и поджала губы.

– А-а-а... Тебе нравятся дырки, а не мечи. Макияж, странная одежда, музыка в стиле металл. Все наконец-то обретает смысл.

– Касс...

– Нет, Лекс, я понимаю. Я же видела, как ты разглядывала мою грудь. Это круто. Мы найдем какую-нибудь киску и сведем вас вместе. Знаю, начнем с женской футбольной команды. Эти сучки любят...

– Касс! Прекрати! Я не лесбиянка!

– Да ладно, не парься, детка! Нет ничего постыдного в том, чтобы лизать клиторы.

– Господи! Молли, Элли, сможете ее успокоить? – проговорила я, раздраженная сверх всякой меры.

Молли положила руку мне на спину, и я, стиснув зубы, затаила дыхание. Терпеть не могла подобные прикосновения.

Молли повернулась к Касс.

– Думаю, она просто пытается сказать, что пока не готова к отношениям с парнем, Касс. Оставь ее в покое. Это не наше дело.

Касс вдруг стала серьезной.

– Почему, Лекс? За все то время, что мы знакомы, у тебя никогда не было парня. Что происходит?

Сердце бешено заколотилось в груди, ладони вспотели. Рука Молли застыла у меня на спине, и я поняла: она ощутила, как напряглось мое тело. Но ничего не сказала. Молли умела скрытничать даже лучше меня.

– Не готова, и все, Касс. Давай поставим точку в этом разговоре.

Касс вздохнула, всплеснула руками, но сдалась, когда я повернулась, чтобы проверить время на телефоне.

«Черт, я опаздываю!»

Я вскочила с кровати и схватила сумочку.

– Все в порядке, милая? – обеспокоенно спросила Элли, и я автоматически кивнула.

– Я... мне нужно п-пойти на тренировку, – уклончиво пробормотала я и принялась шарить по комнате в поисках ключей от машины. На самом деле я встречалась с психотерапевтом, доктором Лундом. В последнее время эти сеансы стали просто необходимы. Мысли мои блуждали по краю опасной территории.

Элли удивленно вскинула брови.

– У группы поддержки сегодня нет тренировки.

Стоя к подругам спиной, я замерла и судорожно попыталась придумать оправдание. Я просчиталась. Ведь Элли совсем недавно ушла из группы поддержки, чтобы плотнее взяться за учебу. Уж она-то отлично знала расписание.

– Я... договорилась о встрече с Лайлом. Мы будем отрабатывать трюки. Увидимся позже.

Когда я подошла к двери, Касс схватила меня за руку.

– С тобой точно все в порядке, Лекс? В последнее время ты какая-то рассеянная. Сама не своя.

Изобразив на лице широкую улыбку, я кивнула, стараясь казаться веселой и жизнерадостной.

– Конечно, Касс. Просто жизнь моя сейчас – сплошная суматоха. Со мной все хорошо. Правда.

С этими словами я исчезла за дверью, отбросив на время притворство и снова становясь самой собой.

Глава 4

Остин

– А потом эта цыпочка молча бухнулась на колени и расстегнула мне молнию...

– Мать твою, Рис, просто заткнись!

Роум опустил штангу, которую пытался поднять, и в упор уставился на Риса, первокурсника, квотербека из второй группы, который в последнее время кружил вокруг нас, словно чертов бродячий щенок.

– Что? У тебя самого, Пуля, кисок в избытке. Некоторые из нас довольны и твоими объедками. Помнишь ту рыженькую, которой ты всадил несколько месяцев назад? Горячая штучка с огромными буферами. – Он изобразил руками пышную грудь.

Глядя на парня, я лишь покачал головой. Роум же готов был оторвать ему голову.

– Рис, парень, принеси два изотоника, – велел я.

Покачав головой, похожий на серфера первокурсник со всех ног помчался в комнату отдыха.

Роум подошел ко мне, сжимая кулаки.

– Я прикончу этого проклятого пацана еще до конца года, – твердо произнес он.

– Он просто молод. Когда-то и ты походил на него.

Роум одарил меня таким взглядом, что я не смог удержаться от смеха.

– Настолько озабоченным я никогда не был, – отрезал он. – Черт побери! Подбирать после меня потаскушек.

Встав, я хлопнул его по спине.

– А в этом не было нужды. Ты даже в детстве притягивал девчонок, как магнит. Не сомневаюсь, что в этом году ты пройдешь отбор и женишься на чертовой супермодели.

На лице Роума мелькнуло странное выражение, но я не обратил внимания. Что бы ни грызло его, меня это не касалось.

Я почувствовал, как в кармане тренировочных шорт завибрировал мобильный, и позволил Роуму на время закрыть тему. Вытащив телефон, я прочитал сообщение:

Аксель: В кампусе. У колокольни Денни. Есть дело. Ты поблизости?

Сердце ухнуло вниз.

«Не может быть. Это ведь не он торговал наркотиками. Он бы не поступил так со мной. Только не Аксель. Хоть бы этот кретин оказался здесь ни при чем!»

– Мне нужно идти, – сказал я Роуму и, схватив полотенце, перебросил через плечо.

– Мне пойти с тобой? – уныло спросил Роум.

Чуть замедлив шаг, я даже не обернулся, лишь покачал головой.

– Нет, я справлюсь.

Кто-то схватил меня за руку. Раздосадованно вздохнув, я обернулся. На меня смотрел Роум, и во взгляде его читалось беспокойство.

– Карилло, не вздумай лезть в это дерьмо в одиночку. Я тебя прикрою. Аксель не испортит тебе возможность выбраться отсюда благодаря «Тайду». Я не позволю случиться подобному. Не с тобой. И не сейчас, когда ты так далеко зашел.

Вздохнув пальцами волосы, я опустил руку и попятился.

– Не надо, Роум. Я сам разберусь.

Он даже не успел возразить, а я уже выскочил за дверь, окунувшись в теплый вечерний воздух. Осмотрелся вокруг и побежал к южной стороне двора. Черт, да я почти летел, чтобы остановить брата, торгующего наркотиками на территории университета.

Не прошло и двух минут, как я заметил движение за колокольной Денни, высокой башней, скрытой в тени деревьев. Мимо меня пробежал дерганый парнишка, засовывая в карман бриджей маленький белый сверток. Я опустил голову, чтобы он не узнал меня. Хотя и понял, что он только что купил.

Наркотик.

В кампусе... Черт! Тренер оказался прав.

– Остин, вот ты где. Я уж думал, не придешь.

Я рванулся вперед, готовый растерзать старшего брата на куски, и тут заметил, что кто-то вышел из тени.

Сердце на миг перестало биться.

«Нет. Нет... нет... нет... нет-нет-нет-нет-нет!»

Леви.

– Привет, Остин! – произнес Леви и помахал рукой.

Я почувствовал, будто внутри все перевернулось. Меня затошнило. Мой младший брат горделиво вышел вперед. Худенькая подростковая фигурка утопала в слишком больших для него джинсах и футболке. Карманы Леви заполняли точно рассчитанные по весу пакетики.

Он казался миловиднее нас с Акселем. По правде говоря, старший брат вполне мог сойти за моего близнеца. Леви, младший братишка... чертовски невинный. И у него все еще имелся шанс держаться верной стороны закона.

Конечно, я знал, что он работал с бандой. Будучи детьми, мы все так делали. Но обычно помощь сводилась к наблюдениям за трейлерным парком, подсчету наличных и сбору свертков. Но ни один подонок не упомянул, что Леви начал торговать.

Я молча кивнул в знак приветствия и крепко обнял младшего брата. Над его плечом встретился взглядом с Акселем. Но тот лишь опустил голову и отвернулся. Он понял, что я разозлился. Но, полагаю, ему было попросту наплевать.

– Мы сегодня хорошо поработали, брат. Почти хватит маме на следующий курс лечения, – проговорил Леви, отстраняясь, чтобы взглянуть на меня. В голосе его отчетливо слышалась гордость.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул.

– Остин? – вдруг произнес Леви, и я почувствовал на себе его пристальный взгляд. – Ты в порядке?

Я открыл глаза и притянул брата к себе еще ближе, крепко вцепившись в слишком большую футболку.

– Когда ты начал торговать с бандой? – прошипел я, и Леви, ошутимо побледнев, судорожно сглотнул.

Взгляд его серых глаз вновь метнулся к Акселю. Но тот уже шагал навстречу другой группе парней, направлявшихся в нашу сторону. Здорово. Очередные клиенты из студенческого братства пришли за наркотой, поставляемой моим гребаным двойником... в моем университете!

Я отступил назад и потянул Леви за собой, укрывшись под ветвями дерева, подальше от чужих глаз. Если меня каким-нибудь образом свяжут с торговлей наркотиками или просто с торговцами, стипендии придет конец. Декан уже что-то заподозрил. Черт, да он никогда и не хотел, чтобы я здесь учился. И уступил лишь требованиям Роума Принса и настойчивости тренера. Ему не нужен был парень с криминальным прошлым из трейлерного парка в захудалой части города.

Эта дрянь сыграет ему на руку.

Убедившись, что нас не заметят, я тряхнул Леви за ворот футболки. Он не отрывал взгляда от земли.

– Леви! Когда, черт возьми, тебя взяли торговать дурью? – прошипел я.

– Примерно месяц назад, – неохотно признался он.

– Месяц, – недоверчиво произнес я.

«Чертов гребаный месяц».

Он кивнул, и я сжал его голову руками.

– Черт, Леви. Зачем? Я же говорил тебе никогда не ступать на этот путь. Так и быть, помогай банде по мелочам. Но не подобным образом! Ты прирожденный ресивер, как и я. Но тебе нужны хорошие оценки. Сосредоточься на учебе, чтобы попасть сюда, в университет Алабамы. Банда, Лев, чертова банда! Джо никогда тебя не отпустит. Нам обоим ни за что оттуда не выбраться!

Отстранившись, Леви прислонился спиной к стволу дерева. Хмуро глядя на меня, сложил руки на груди в знак вызова.

– Маме становится хуже, Ост. Бесплатной страховки уже не хватает. Ей необходимы обезболивающие, а за них приходится платить. Теперь ей все время нужны ходунки. Она уже несколько недель не выходила из трейлера. А стоит ей встать на ноги, она дрожит и падает на пол.

Глаза Леви наполнились слезами, и при виде этого к горлу подступил ком. Парнишке исполнилось лишь четырнадцать. Всего четырнадцать, черт возьми. Он не должен взваливать на себя заботу о маме и продавать наркотики, чтобы оплачивать ее лекарства.

– И какого хрена от меня это скрывали? – процедил я, так сильно стиснув зубы, что заболела челюсть.

Леви опустил голову.

– Мама не хотела, чтобы ты знал. Сказала, у тебя и так забот достаточно. И я понимал, что ты не одобришь мою связь с Холмчами. – Черт, да я чувствовал себя просто дерьмово. – Послушай, Ост, нам нужно как-то заработать. Доходы Акселя уже не те, что прежде. Сейчас идет война между бандами, Короли делят территорию. И Аксель все время где-то пропадает, пытаюсь срубить больше денег. А ты здесь, готовишься к отбору... И остался лишь я. Чтобы взять ответственность на себя, заняться делами, присмотреть за домом. Я справлюсь. Парни из банды приглядывают за мной, особенно Джо. Они мне как семья, словно братья.

Боже, его слова будто пронзили меня насквозь. Чертов Джо всегда заботился лишь о себе.

Я резко двинулся вперед и толкнул Леви в грудь, притиснув к шершавой коре дерева.

– Они тебе не семья, Лев. Полиция придет за тобой, а они и пальцем не шевельнут. Я – твоя семья. *Famiglia*. Твой чертов брат! *Io sono il tuo sangue!* Мы с тобой одной крови!

Услышав прозвучавшее в голосе раздражение, Леви потрясенно уставился на меня. Я провел рукой по волосам, пытаюсь дышать как можно медленней, чтобы успокоиться.

– Послушай, Леви, это не твоя ответственность. Ты еще ребенок. Мамина радость и гордость, черт возьми. Мы с Аксом... ну, она знает, что мы отморозки. Но ты – ее чертов любимчик. Так пусть она тобой гордится! Черт! Пусть гордится хоть одним из нас, пока не стало слишком поздно. Прошу тебя!

Между нами повисло молчание, а потом Леви прошептал:

– Она умирает, Остин. И я не собираюсь быть чьим-то любимчиком. И гордостью тоже. Я просто хочу убедиться, что ее последние дни не пройдут в муках. Мне невыносимо смотреть, как она кричит от боли. Тебя-то там нет. И Акселя тоже. А меня это убивает...

Я хотел обнять Леви, но тишину нарушил громкий голос Акселя.

– Сучка! Если дорожишь своей шкурой, лучше убирайся отсюда к чертовой матери!

– Черт! – зло пробормотал я, заметив вдали полицейский «Форд». Машина направлялась в нашу сторону. За последние недели декан увеличил штат полиции кампуса.

Выглянув из-за дерева, я заметил, как Аксель прижал к башне какого-то студента.

«Черт, черт, черт!»

Огни машины все приближались. Нужно вытащить отсюда ублюдка-брата. И Леви тоже. Ребенку совершенно ни к чему судимость и срок в колонии.

Повернувшись к Леви, я проговорил:

– Давай. Ступай к машине Акселя. Я его приведу.

Он хотел уже начать спорить, но понял, что сейчас не до шуток, и со всех ног помчался через двор.

Глубоко вздохнув, я выскочил из-за дерева и направился прямо к Акселю. Он все еще прижимал худенькую фигурку к кирпичной стене башни.

– Ты ведь ни хрена не видела, правда? И никому ничего не расскажешь. Слышишь, сука? Держи гребаный рот на замке! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Н-н-нет... Я обещаю... Пожалуйста... Просто отпусти меня... Умоляю, – тоненький голосок ощутимо дрожал от страха.

Нужно остановить Акселя, пока он не зашел слишком далеко. Черт, не стоит добавлять к его списку проступков еще и нападение.

Приблизившись к Акселю сзади, я схватил его за руки и дернул назад.

– Отвали на хрен, Акс, – велел я, и он неуверенно отступил.

Поверх плеча Акселя я поймал взгляд огромных зеленых глаз и замер.

Черт. Чирлидерша. Та самая, с которой я разговаривал после игры.

Я задрал голову, уставившись в небо.

«Кто-то там, наверху, чертовски меня ненавидит».

Внезапно в поле зрения возникло лицо Акселя.

– Эта сучка слишком много видела. Она должна понять, что не стоит об этом болтать. Нужно разобраться с ней прямо сейчас! Чтобы следов не осталось, – прошипел он, сжимая руки в кулаки.

Чирлидерша, казалось, лишь плотнее вжалась в стену, стараясь смотреть куда угодно, только не на нас. Она плакала, черт возьми. На бледном лице виднелись черные потеки туши.

– Она будет молчать. – Я взглянул на девчонку. – Правда? – почти прорычал я. Она застыла от страха. – Черт, да скажи ты ему!

На глазах ее вновь выступили слезы. Она настойчиво затрясла головой.

– Я... я... не скажу.

Дернув Акселя за руку, я проговорил:

– Копы почти здесь. Уходи отсюда. Я прослежу, чтобы она не проболталась.

Аксель сплюнул на землю возле ее ног и попытался протиснуться мимо меня. Но я вновь схватил его за руку и прошептал на ухо:

– Нам нужно поговорить. Ты накосячил, брат. По полной! Леви продает наркоту для банды, да еще и в моем университете! Я этого так не оставлю.

Услышав угрозу в моем голосе, Аксель лишь усмехнулся, выдернул руку и зашагал в сторону парковки. Глядя ему вслед, я ощутил, как волосы на затылке встали дыбом. Возникло нехорошее чувство. Словно нас, братьев, преследовало некое чертово предвестие. Похоже, Аксель все больше сближался с бандой, зарабатывал авторитет и теснее сходиллся с Джо. И, судя по всему, тянул за собой и Леви.

Прямоком в ад.

Я насторожился, услышав позади чье-то шарканье.

Черт. Девчонка. Я почти забыл о ней.

Обернувшись, я заметил, что она медленно пятилась назад, надеясь сбежать. Однако, поймав мой взгляд, замерла, словно чертов олень в свете фар. С ней нужно быстро разобраться и защитить свою семью. Не важно, какой ценой.

– Что ты видела? – холодно спросил я.

– Н-ничего... я ничего не видела... – прошептала она. С маленького личика на меня смотрели огромные глаза. Наверное, ростом она не больше пяти футов.

– Лжешь, – спокойно отрезал я.

– Нет... правда... – тихо проговорила она. Я видел, как бьется пульс на тонкой шее.

Так какого хрена она забыла здесь, во дворе, одна, да еще в такое время? Ладно я или Роум. Мы-то всегда занимались дополнительно, намного больше остальных, и по вечерам поднимали штанги.

Я придвинулся ближе, почти придавив грудью ее тельце к стене, и услышал короткий резкий вдох.

– Ты видела моего брата. Что он делал? Только не ври, мать твою.

Конечно, она поняла, что происходит. Но нужно запугать ее настолько, чтобы она ни словом не обмолвилась даже близким друзьям. Пусть держит рот на замке. Нельзя, чтобы по кампусу ходили слухи.

Я заметил, как поникли ее плечи, и понял, что она сдалась.

– Наркотики. Думаю, он продавал наркотики. – Она сокрушенно вздохнула. – Точнее, знаю, что он их продавал.

Откинув голову назад, я втянул воздух через нос.

«Твою мать».

Прощай, стипендия.

– Клянусь, я никому не скажу... Просто... отпусти меня, пожалуйста, – тихо умоляла она дрожащим от страха голосом. Я внимательно взглянул на нее. Тощая, словно скелет, вся в черном. И первоклассная чирлидерша. Я видел ее на каждой игре, на всех гребаных матчах сезона. Дома и на выезде. – Карилло, прошу, отпусти меня.

Я оперся о стену руками, словно заключая девчонку в клетку, и склонился к самому ее уху.

– Забудь, что сегодня здесь видела. И тогда последствий не будет. Но если скажешь кому-нибудь хоть слово, кому угодно, тебе не поздоровится. Ты и понятия не имеешь, во что ввязалась. Есть люди, готовые пойти на все, лишь бы ты молчала. Без каких-либо ограничений.

Она засопела и смиренно кивнула, кристально четко поняв предупреждение. Отступив назад, я скрестил руки на груди и качнул головой.

– Иди. Убирайся отсюда ко всем чертям.

Мгновение спустя чирлидерша уже мчалась через двор, ноги ее мелькали в сухой траве. Я чувствовал себя величайшим мерзавцем на свете. Она просто загнала меня в тупик.

Чертовски жаль, что теперь и ей досталось.

Больше тысячи дней.

С тех пор, как я ушел из банды, начал новую жизнь здесь, в университете Алабамы, и завязал с торговлей.

И вот, спустя столько времени, все вернулось и вновь породило кучу проблем.

Встревоженно потирая лоб, я прислонился к стене колокольни Денни. Аксель разозлился, что она засекла его торговлю дурью. И он не из тех, кто забывал. Он никогда не оставлял свидетелей, не убедившись прежде, что те не заговорят. Холмчие никому не позволяли вмешиваться в свои делишки. Так велел Джо.

Я заметил, как на некотором расстоянии вспыхнули фары полицейской машины. Она остановилась неподалеку от места, где я стоял. Я замер и затаил дыхание.

Я уже хотел сорваться с места и убежать, но заметил, как полицейский вышел из машины и скрылся за углом. Через минуту он вернулся, ведя за собой девчонку... ту самую худышку, что могла нас всех утопить.

«Твою мать!»

Когда машина выехала на дорогу, я пустился за ней, придерживаясь темной части тротуара. Я решил бежать по ее следу.

Глава 5

Лекси

Тяжело и быстро дыша, я пронеслась через двор. И, завернув за угол, привалилась спиной к широкому стволу дерева. Запрокинула голову, коснувшись грубой коры, и почувствовала, как та царапает кожу.

Я больше не могла бежать. Просто ноги не держали.

Он торговал наркотиками. Этот парень нагло продавал наркоту прямо в кампусе. Брат Остина Карилло – игрока под номером восемьдесят три из алабамского «Кримсон Тайда», одного из самых многообещающих ресиверов во всей Юго-восточной футбольной конференции, плохого парня с пирсингом и в наколках из захудалой части города, вставшего на праведный путь, – торговал наркотиками в кампусе. Может, и сам Остин не настолько изменился, как все считали.

Где-то хлопнула дверца машины, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

– Мисс? Вы в порядке?

Я прижала руку к груди, туда, где бешено билось сердце. И вздохнула с облегчением, когда поняла, что это полиция кампуса.

– Да... Да, я в порядке. Вы просто напугали меня, – пытаюсь отдышаться, пробормотала я. Полицейский присел передо мной на корточки.

– Мисс?... – произнес он и замолчал, явно желая узнать мое имя.

– Харт. Лексингтон Харт.

– Мисс Харт, я бы попросил вас проехать со мной, – проговорил полицейский, протягивая руку.

– У меня проблемы? – тихо спросила я.

Он дружелюбно улыбнулся, и я немного успокоилась.

– Нет. Просто доставлю вас домой в целости и сохранности. Юной девушке вроде вас не пристало гулять одной в такой поздний час.

На дрожащих ногах я прошла за ним к машине и села на заднее сиденье. Глядя в окно, я погрузилась в свои мысли, даже не обращая внимания на шипение и рев полицейской рации.

Через пять минут мы остановились возле деканата. И я почувствовала, как меня охватил ужас.

Офицер повернулся ко мне, на лице его застыло виноватое выражение.

– Мисс Харт, пойдёмте со мной. Вас хотел бы видеть декан, – проговорил он, открывая дверцу машины.

Понимая, что выбора все равно нет, я вошла в здание и проследовала за офицером прямо в кабинет декана. Он уже ждал меня, сидя за столом, и улыбнулся в знак приветствия. Я тут же встревожилась.

– Мисс Харт, прошу, садитесь.

Я настороженно осмотрелась, отмечая роскошную обстановку кабинета, и нервно присела на стул перед деканом.

«Откуда он знает мое имя?»

Декан взял со стола кувшин и налил себе стакан воды. Подняв бровь, взглянул на меня, молча спрашивая, не хочу ли я тоже пить. Я отрицательно покачала головой.

– Итак, Лексингтон, насколько я понял, вы сейчас были в южной части двора? Офицер сказал, вы чем-то расстроены.

Сердце бешено заколотилось в груди, по затылку скатилась бусинка пота.

– Да, сэр, я находилась во дворе.

– И... не заметили ничего подозрительного?

Он впился в меня взглядом синих глаз, и я помедлила, не зная, как поступить.

«Сказать ему правду? Или защитить себя от Остина с братом?»

Я вновь, будто бы наяву, услышала предупреждение Остина:

«Если скажешь кому-нибудь хоть слово, кому угодно, тебе не поздоровится».

И, не успев опомниться, я снова покачала головой.

Декан удивленно вскинул брови.

– Вы не видели парней во дворе? Из тех, кому не место в университете? – Он наклонился вперед. – Или, скажем, торговцев наркотиками? Разве не поэтому вы убежали?

– Нет, сэр, – тихо проговорила я; легкая дрожь в голосе сообщала, что я солгала. – Я просто не люблю находиться одна в темноте. Я торопилась домой.

– А где вы были в такой поздний час?

Я смущенно потупилась.

– В больнице... Несколько лет назад я страдала заболеванием и теперь должна посещать психотерапевта. Как часть процесса выздоровления.

Декан моргнул, размышляя над моими словами, и подался вперед. Он заговорил так тихо, что услышать могла только я.

– Если вы боитесь того, чему стали свидетелем, мы сможем обеспечить вашу безопасность. В кампусе не должно быть подобных проблем. Просто нужно найти виновника. Может, кого-то из университета?

Потрясенно уставившись на него, я проговорила:

– Простите, сэр, я никого и ничего не видела. Так что не смогу вам помочь.

Не знаю, почему я не призналась в увиденном. Стоило сообщить, что здесь замешан Остин Карилло, который открыто угрожал со мной расправиться. Но мне просто хотелось домой. И чтоб сегодняшний вечер остался позади. Беседы с психотерапевтом всегда безмерно выматывали, оставляя после себя ощущение, будто меня вывалили в грязь.

– Хорошо, мисс Харт. Если вдруг что-нибудь вспомните, просто сообщите мне, – уныло проговорил декан.

Поднимаясь со стула, я согласно кивнула. И направилась из кабинета следом за офицером. Мы вышли на улицу, и я вдохнула влажный воздух летней ночи.

– Поехали, мисс, я отвезу вас домой, – предложил офицер.

– Если вы не против, я бы хотела прогуляться пешком, – ответила я, и полицейский, пожав плечами, сел в машину и уехал.

Обхватив себя руками, я быстро направилась к женскому общежитию. Я прошла уже половину пути по тускло освещенной дорожке, и тут кто-то возник передо мной, выступив из тени деревьев.

Я резко остановилась, зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть от потрясения. Человек шагнул ближе и я, наконец, смогла увидеть его лицо... Остин Карилло.

Весь в пирсинге и татуировках, он смотрел на меня со злостью во взгляде, и я в панике попятилась.

– Ты хочешь сдохнуть или что-то в этом роде? – холодно спросил он. – Я не шутил, когда сказал, что, если проболтаешься, за тобой придут. И вот я вижу, как ты выходишь от декана. Ты что, мать твою, издеваешься?

– Нет! Я... я отлично поняла п-предупреждение. Я н-ничего ему не сказала. Клянусь! – выпалила я; голос мой дрожал от страха. Но лицо Остина по-прежнему оставалось жестким и суровым.

Я развернулась, чтобы направиться домой другим путем. И рванула с места. Ноги несли меня вперед по асфальтной дорожке. А я лишь молилась о том, чтобы Карилло не последовал

за мной. Я пробежала весь путь до общежития, влетела по ступенькам. И, наконец оказавшись в своей комнате, захлопнула за собой дверь.

Глава 6

Остин

«Черт, черт, черт, черт, черт!»

Какого хрена я набросился на девчонку, словно маньяк, едва заметив, как она вышла из деканата? Я видел ее лицо, она до смерти перепугалась.

«ЧЕРТ! Что теперь она обо мне думает?»

Я свернул на проселочную дорогу, ведущую к трейлерному парку. Под колесами пикапа Роума захрустел гравий. Он одолжил мне машину, когда я неожиданно решил съездить домой.

Четыре мили до конца дороги. И до дома, где я провел детство.

Проехав четыре мили, я смогу увидеть, насколько же сильно сдала мама.

Старая проржавевшая вывеска «Западные холмы», висевшая на въезде в трейлерный парк, отвалилась с одной стороны и теперь болталась из стороны в сторону. Проезжая мимо, я лишь покачал головой.

Гребанный рай.

Еще пару миль, и я начал замечать знакомые лица слонявшихся по парку членов банды. И все, конечно же, глазели на меня. Ведь этой дорогой пользовались лишь местные обитатели. Либо те, кто желал получить дозу. Эти ребята знали, что я из первой категории.

Они кивали в знак приветствия, когда я медленно подъехал на пикапе к трейлеру номер двадцать три. Бросив машину на стоянке, я взбежал по лестнице, дважды стукнул в металлическую дверь и вошел внутрь.

– Мама? – позвал я, оглядывая неприбранную комнату. Грязная посуда, несвежая еда, пустые шприцы и... Черт возьми, откуда этот запах?

Леви всегда убирался в доме. По крайней мере, поддерживал чистоту. Но, оглядевшись вокруг, я понял, что он забросил домашние дела и проводил большую часть времени с бандой. Комната походила на помойную яму. Я раздраженно стиснул зубы.

– Мама? – вновь позвал я и услышал тихий звук, доносившийся из спальни. На дрожащих ногах я подошел к ветхой двери в ее комнату. С каждым моим приездом сюда мама выглядела все хуже.

Услышав звук бьющегося стекла, я испуганно толкнул дверь. И увидел лежащую на постели маму. Верхняя часть ее тела склонилась вниз, свисая с кровати. На полу виднелись осколки разбитого стакана; должно быть, просто выскользнул из руки. Мама застонала от боли, и я понял, что сама она подняться не сможет.

Бросившись вперед, я подхватил крошечное тело под руки и осторожно поднял на кровать. Меня едва не стошнило от исходившего от нее резкого запаха. Уложив маму, я вздрогнул при виде боли, отразившейся на ее лице. Стиснув зубы, она дышала коротко и рвано, пытаясь побороть недомогание. Я видел, как раздувались ее ноздри.

Я сел рядом с ней на кровать, коснулся рукой лба, отвел с лица потные пряди каштановых волос.

– *Calma, Mamma, Calma*⁸. – Я говорил на итальянском, мамином родном языке, пытаюсь ее успокоить. Она взглянула на меня огромными, запавшими карими глазами, и губы ее дернулись. Я знал, что мама благодарно улыбается. – *Stai bene, Mamma?*⁹ – спросил я, надеясь, что ей стало немного легче.

⁸ Тише, мама, тише (ит.).

⁹ Ты в порядке, мама? (ит.)

Мама сомкнула веки, и я принял этот жест за попытку кивнуть. Она совсем обессилела. Либо испытывала слишком сильную боль, чтобы пытаться что-то сказать.

Осмотревшись в комнате, я заметил разбросанную по деревянному полу грязную одежду и серые медицинские бутылочки, выстроившиеся в ряд на комод. Внутри все сжалось, когда я понял, что это такое и откуда исходит жуткий запах. В бутылочках была моча.

Закрыв глаза, я пытался сохранить самообладание. Акселю придется ответить еще и за то, что бросил маму в таком состоянии.

Я почувствовал, как что-то легко, словно перышко, коснулось ладони и взглянул вниз. Мама положила на мою свою руку, в глазах ее блестели слезы.

Наклонившись, я поцеловал маму в макушку и прошептал:

– *Ti voglio bene, Mamma*¹⁰.

– *Anche... a te... mio caro*, – прошептала она. «Я тоже люблю тебя, милый».

Я растянул губы в улыбке, и она, борясь с болью, попыталась улыбнуться в ответ.

Встав, я потер руки.

– Итак, мама, я принесу тебе воды. А потом стоит здесь прибраться и привести тебя в порядок. Ладно?

– Такой... хороший... мальчик, – с трудом прохрипела она.

Конечно же, я не был хорошим. И мы оба об этом знали. Но сейчас это не имело значения. Я просто чувствовал себя безмерно довольным, ведь мне удалось осчастливить маму настолько, что она сказала подобные слова.

Час спустя я убрал помытую посуду в шкаф и направился в ванную, чтобы включить душ. Я проверял маму каждые пять минут. С отчетливо читаемой грустью во взгляде она наблюдала, как я мою и убираю все уголки старого трейлера. Эта женщина была просто святой. И не заслужила подобного дерьма.

– Ладно, мама, пойдем в душ, – сообщил я, стараясь не обращать внимания на промелькнувшее на прекрасном лице стыдливое выражение. Она чувствовала неловкость, потому что не могла помыться сама.

Пока эта чертова болезнь не свалила ее, Кьяра Карилло трудилась на трех работах и любила нас с братьями за двоих, возмещая тем самым отсутствие второго родителя. А бездельник-отец бросил нас ради какой-то шлюхи, живущей на другом конце штата. Мама никогда не позволяла нам голодать, всегда следила, чтобы мы держались верного пути, и оберегала от неприятностей, когда все остальные дети из трейлерного парка стали примыкать к банде Холмчих.

А потом, семь лет назад, все изменилось. Причина: БАС¹¹. Болезнь Лу Герига. Недуг, поражающий двигательные нейроны. Проклятое заболевание, что постепенно ослабляло ее мышцы. Неизлечимая болезнь, день за днем, час за часом, минуту за минутой крадущая ее свободу.

Когда я взял на руки хрупкое мамино тело, тихий стон сорвался с ее губ. Я старался не обращать внимания на мокрые от пота, грязные простыни, на которых она пролежала бог знает сколько времени.

Я отнес маму в душевую, посадил на сиденье унитаза и начал снимать с нее грязную ночную рубашку. На руку упали капли воды, и, подняв взгляд, я заметил катящиеся по маминым щекам слезы. Она даже не могла смотреть мне в глаза.

Грудь пронзило болью.

¹⁰ Я люблю тебя, мама (ит.).

¹¹ Боковой (латеральный) амиотрофический склероз (БАС) – прогрессирующее нейродегенеративное заболевание центральной нервной системы. Встречается довольно редко.

Откашлявшись, чтобы убрать из горла застрявший комок чувств, я проверил температуру воды. Потом, молча подняв маму на руки, встал вместе с ней под душ. Одежда промокла насквозь, но мне было наплевать.

Вода хорошо скрывала ее смущение. Мама цеплялась мне за плечи, словно робкий, перепуганный ребенок.

Я вымыл ей тело и волосы, завернул в единственное чистое полотенце, а после переодел в халат и усадил на потертый диван.

– Мама, нужно сменить постельное белье, чтобы сегодня тебе хорошо спалось. Я сейчас вернусь, хорошо? – проговорил я.

Она закрыла глаза и слегка кивнула. Даже простой душ измотал ее.

«Будь проклята эта чертова болезнь».

Найдя последний чистый, пусть и выцветший, комплект белья, я постелил его на кровать, а под него подложил наматрасник, чтобы уберечь матрас от любых случайностей вроде недержания. Но изо всех сил постарался это скрыть. Маме бы это не понравилось. Мочевой пузырь у нее работал исправно. Она лишь не могла добраться до туалета без посторонней помощи.

Выйдя в гостиную, я прислонился к дверному косяку. И попытался подавить овладевшее мной опустошение. Мама, самый лучший человек из всех, кого я знал, казалась сломленной, ее миниатюрная фигурка осела, мышцы слабели с каждым днем. Она была такой уже семь лет. С БАС в лучшем случае можно прожить десять. Внутри у меня все сжалось. Учитывая положение дел, не уверен, что она продержится даже двенадцать месяцев.

С маминых губ сорвался болезненный стон, и она зажмурилась. Почти подбежав, я подхватил ее на руки и отнес обратно в постель. Когда она легла на свежее, чистое белье, то лишь довольно вздохнула. Я снова сел рядом с ней.

– Мама, принести что-нибудь еще? – спросил я и затаил дыхание, когда она вновь потянулась к моей руке.

– Нет, *grazie, mio caro*¹², – тихо проговорила она, глаза ее снова наполнились слезами.

– Черт возьми, мама, пожалуйста, не плачь. Я не смогу этого вынести, – произнес я и сам ощутил, как натянуто прозвучал голос.

– Они... забрали... его, Остин, – сумела выговорить мама, и я нахмурился.

– Кто, мама? Кто кого забрал?

Ее нижняя губа задрожала. Она попыталась сжать мне руку, но не смогла.

– Леви... они... забрали... его. Нужно... его... спасти. – На последнем слове голос мамы дрогнул, и я ощутил, как по спине пробежал холодок.

Я опустил голову.

– Знаю, мама. Узнал только сегодня.

Она посмотрела на меня, как на Супермена. Словно бы я точно знал, как его вызволить. Во взгляде больших карих глаз читалась мольба, настойчивая просьба его спасти.

– Аксель... слишком далеко... зашел. Леви... ты... вам обоим нужно... бежать.

Мама вдруг вскрикнула, и спина ее напряглась от пронзившей тело боли. С трудом сглотнув, я крепко сжал ей руку. Мы ждали, когда стихнет мучительный приступ.

Мама тяжело дышала. Но наконец немного успокоилась и смогла проговорить:

– Остин... я так... горжусь... тобой. Обе...обещай мне... ты спасешь... Леви...

Поднеся ее руку к своим губам, я поцеловал пальцы и кивнул.

– *Te lo giuro, Mamma*. Клянусь тебе. Я найду способ его спасти.

Мама сомкнула веки. Заметив, что она борется со сном, я встал, поцеловал ее в лоб и прошептал:

– *Buona notte, e dormi bene, mia cara*.

¹² Спасибо, милый (ит.).

«Спокойной ночи и добрых снов, милый». Эти слова мама шептала мне каждую ночь перед сном с тех пор, как я родился. Они уносили прочь мои страхи, ограждали от всего плохого в мире.

Когда у мамы обнаружили болезнь Лу Герига, она стала слишком бояться. И тогда уже я шептал ей. И она улыбалась. Ведь мама всегда говорила, что песочного человека¹³ нужно встречать с улыбкой.

Подойдя к старому бабушкиному проигрывателю 1930-х годов, который мама привезла с собой из Италии, я достал с книжной полки в дальнем конце комнаты потертую виниловую пластинку с ее любимой песней. Я поставил иглу на нужное место. Из динамика послышался треск начавшего вращаться винила, а несколько секунд спустя комнату наполнили звуки «Аве Мария» в исполнении Андреа Бочелли¹⁴.

На миг я просто замер. Это была песня из детства. Та, что заглушала звуки пуля, когда мы лежали в постели, отчаянно пытаюсь уснуть. Под эту мелодию на Рождество мама брала нас за руки и кружила, вызывая смех, пытаюсь заставить забыть, что нет ни подарков, ни фаршированной индейки. Но музыка навевала и болезненные мысли, напоминая о том, кем могла бы стать мама. Ведь она когда-то пела в опере, сопрано.

Мама родилась во Флоренции. Родители отца были с Сицилии, но в пятидесятых годах переехали в Америку, в штат Алабама. Папа поехал в гости к бабушке с дедушкой. У мамы начались гастролы с оперной группой. Один из концертов проходил в театре Вероны. Отец же путешествовал по Италии и в тот вечер увидел ее на сцене. Лука Карилло с первого взгляда влюбился в Кьяру Стради: темно-карие глаза, длинные темные волосы... Она была прекрасна. Прошло несколько недель, и она тоже полюбила его. Мама бросила пение, оставила семью. И отец вернулся в Штаты, привезя с собой жену-иностранку. Своим же поступком мама снискала немилость родных, и больше они с ней не общались.

Но девятнадцатилетняя Кьяра Стради не знала, что у Луки Карилло в двадцать шесть уже наметились проблемы с алкоголем. И что он спал со всеми подряд. Она и не подозревала, что много лет спустя проснется в нищете, в трейлере в худшей части города, а муж ее попросту сбежит, уклоняясь от ответственности. Мечты разлетятся вдребезги, и рядом не будет семьи, которая смогла бы помочь. А на руках у нее окажутся три растущих мальчика, которых нужно кормить и одевать.

Эта песня поднимала ей настроение.

И сохраняла стойкую католическую веру.

Придавала сил.

Я молил Господа, чтобы и сейчас песня смогла помочь.

Я вновь подошел ближе и увидел, что мама мирно спит. И чуть не потерял самообладание, когда ее верхняя губа даже во сне изогнулась в довольной улыбке.

Подоткнув вокруг спящего тела выцветшее стеганое одеяло, я склонил голову, молитвенно сложил руки, закрыл глаза и безмолвно произнес: «*Dio ti benedica, Mamma*».

«Да благословит тебя Бог, мама».

Собрав в маминой комнате грязное белье, я вышел из трейлера и направился в прачечную. Столкнувшись по пути с несколькими членами банды, я опустил голову, стараясь не обращать внимания на мерзкие взгляды, что они бросали в мою сторону. Когда-то Джо отпустил меня без последствий, и лишь это мешало им сейчас надрать мне задницу. А еще все они чертовски боялись Акселя. Что с ними сделает брат, если они посмеют тронуть хоть волос с моей головы?

¹³ Песочный человек – фольклорный персонаж. Согласно поверьям, сыплет заигравшимся допоздна детям в глаза волшебный песок, заставляя их засыпать. Он успокаивает шалунов и навевает им добрые сны. Но может и вызывать кошмары у непослушных детей.

¹⁴ Андреа Бочелли – итальянский певец, исполнитель классической и популярной музыки.

Влетев в двери прачечной, я даже не обратил внимания на накачавшегося наркомана, который лежал в отключке на красных пластиковых стульях. И, загрузив стиральную машину, поставил ее на быструю стирку. Прислонившись спиной к расцвеченной граффити стене, я попытался сдержать ярость.

Как Аксель мог оставить маму в таком состоянии? Пока он со своей «семьей» зарабатывал деньги, продавая дурь, мама лежала в луже собственной мочи, воняя недельным потом.

И Леви! Где этот маленький засранец шляется почти в полночь? Одно можно сказать наверняка. В школу он не собирался. А значит, плохие оценки... и никакого футбола. Ведь при таком раскладе его шансы получить стипендию в университете Алабамы, чтобы играть за «Тайд», равнялись нулю.

Я так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони. Я почти был уверен, что пошла кровь. Эта гребаная банда стала проклятием всей моей жизни. Сначала Аксель, потом я, теперь Леви.

Это работа Джо.

Только он во всем виноват.

Он заприметил братьев Карилло, еще когда мы были детьми. Все высокие и сильные от природы, устрашающие. Идеально подходящие для жизни Холмчих. И для личной охраны Джо. И мы все попались, как чертовы наивные овцы, следующие за волком на бойню.

И пропало все, за что так упорно боролась мама. Она умерла, глядя, как ее сыновья падают прямо в пропасть.

– Мать твою, Карилло. Если с футболом ничего не выйдет, ты всегда сможешь пойти в чертовы горничные, – произнес кто-то справа.

Стиснув зубы, я поднял голову и увидел в дверях ухмыляющегося Джо. И тут же взорвался, словно открытое пламя в газовом баллончике. Я повалил Джо на пол, прижав к липкой плитке, и начал бить кулаками по лицу.

– Ублюдок! – снова и снова кричал я.

Джо поднял руки, чтобы защититься от ударов.

Кто-то схватил меня сзади и оттащил прочь. Вырвавшись, я повернулся к помешавшему мне подонку, и столкнулся лицом к лицу с Акселем.

И глаза застлала красная пелена.

Я толкнул его руками в грудь. Аксель изумленно уставился на меня и повалился спиной прямо на пластиковые стулья. Спящий наркоман, слишком одурманенный той дрянью, которую вколол себе в вену, едва ли даже осознал, что на него кто-то упал.

Аксель вскочил на ноги. Я увидел, как он сжал кулак, и улыбнулся.

«Давай, ублюдок», – подумал я.

Мне это было нужно. Между нами прошло слишком много времени. Хватит с меня его тупых выходок.

– Я прощу тебе этот удар, малыш, но попытайся еще раз, и я в долгу не останусь, – предупредил Аксель.

Кулак, прилетевший справа, ослепил меня, и я ударился спиной о сушилку. Обретя равновесие, я потерял подбородок и, обернувшись, увидел, что Аксель удерживает Джо.

– Ты только что подписал себе смертный приговор, братан, – бросил Джо, и изо рта его на пол брызнула кровь.

Подняв руку, я щелкнул четырьмя пальцами под подбородком и прошипел, язвительно и монотонно:

– *Vaffanculo*.

Джо выпучил глаза, ведь я попросту послал его по-итальянски. И он практически отшвырнул Акселя назад, чтобы добраться до меня.

– Черт, Джо. Успокойся, мать твою! – крикнул Аксель, выталкивая Джо за дверь.

Я же принялся расхаживать взад-вперед, словно чертов бык, которого дразнят красным флагом. Я хотел, чтобы этот ублюдок сдох. Я был просто в бешенстве. Злился на Акселя, на Леви, на Джио; черт, даже на самого Господа Бога!

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Аксель. Я уже собирался вновь наброситься на него, но следом вбежал Леви. На лице подростка застыло выражение ужаса. Сейчас я даже не сочувствовал маленькому засранцу.

– Ост... – начал он, но я, вытянув руку, указал в сторону выхода и приказал:

– Домой. СЕЙЧАС ЖЕ!

Леви взглянул на Акселя, словно ожидая его разрешения. Это лишь больше меня разозлило. Я прошагал через комнату и навис над младшим братом. Глаза его стали огромными, и он в ужасе привалился спиной к двери.

– Не стоит ждать от него поддержки и игнорировать меня! Нам с тобой есть что обсудить. Но если ты сейчас же не вернешься домой, чтобы присмотреть за мамой, я просто вырублю тебя на хрен и утащу туда!

Леви выскочил за дверь. Я смотрел ему вслед, пока не убедился, что он добрался до трейлера. Окинув взглядом парк, я не заметил и следа Джио. Поэтому, захлопнув дверь прачечной, повернулся к Акселю.

– Я защищал тебя перед тренером, а потом обнаружил, что он прав. Ты торговал наркотой в моем университете. Декан жаждет моей крови, потому что в кампусе появилась дурь! А потом я узнал, что ты привел Леви к Холмчим, потащил его за собой прямо в ад. Но хуже всего то, что ты оставил маму лежать в собственной моче и дерьме. Трейлер выглядит словно после бомбежки. И все для того, чтобы ублажить Джио!

Казалось, Аксель задрожал от ярости. Потянувшись, он схватил пластиковый стул и швырнул его в стену, где тот разлетелся на несколько частей.

Он указал на меня пальцем.

– Ты так много говоришь об этом, малыш. Но где ты сам, черт возьми? Ведешь прекрасную жизнь в каком-то богатом университете. Каждую неделю восемьдесят тысяч человек чуть ли не молятся на тебя, будто ты какой-то чертов мессия. И ты тесно общаешься с такими кисками, которых может позволить себе лишь гребаный Роум Принс, у которого денег больше, чем у Бога! – Он подошел и встал передо мной. – Так где ты, малыш? Ты здесь, каждый день заботишься о маме и убираешь блевотину? Или сидишь в уютной комнате общежития, пьешь пиво и трахаешь очередных распутных фанаток «Тайда»? – Он ткнул пальцем мне в грудь и прошипел: – Я поддерживаю эту семью, а не ты, суперзвезда. Просто помни об этом, когда являешься на территорию Холмчих и начинаешь распускать язык.

Слова его походили на кинжалы. Я начал пятиться назад, потом замер, наткнувшись на стиральную машину, потер лицо руками.

Он говорил правду. Я ни хрена не сделал, чтобы помочь.

Внезапно кто-то обхватил меня за шею, и я оказался прижатым к широкой груди Акселя. Он обнимал меня...

«Твою мать».

Склонившись вперед, я уронил голову ему на плечо и просто стоял, дыша и стараясь успокоиться. Может, сейчас я и стал выше и крупнее, но он по-прежнему оставался моим старшим братом. Единственным, кто мог одержать надо мной верх.

– Слушай, малыш. Нравится мне это или нет, но ты должен находиться в этом университете. Ты – наш билет отсюда, из гребаного трейлерного парка, который мы называем раем. Ты – наш шанс на лучшую жизнь.

Я покачал головой.

– Ты прав, черт возьми. Я ни хрена не делаю для мамы. Никак не помогаю. Все свалилось на вас с Леви, и это рвет меня на части.

Аксель отступил назад и, взяв мое лицо в ладони, заставил поднять на него взгляд.

– Малыш, мама только о тебе и твердит. Ты, суперзвезда, футбол, «Тайд». Да она светится каждую субботу, когда видит тебя на экране. Она говорит, с таким талантом ты добьешься успеха, и ей даже не верится, что у нее такой сын. Ты напоминаешь ей молодость. – Аксель покачал головой. – Не-а, малыш. Ты останешься в этом проклятом модном универе, даже если мне придется самому тебя туда забросить. И пройдешь отбор в НФЛ.

Я отвел руки Акселя от своего лица и отступил назад.

– Ты не можешь торговать в кампусе, Акс, – твердо произнес я. – С этим нужно кончать.

– Не получится, малыш. Короли захватили половину нашей территории. Нам нужно расширяться, уходить в другие места. Знаю, я обещал, что эта дрянь никогда тебя не коснется. Но этот твой университет – настоящая золотая жила. Там куча тупоголовых кретинов, готовых платить бешенные деньги за дурь. За все, до чего могут дотянуться их избалованные ручонки.

– Акс, да ты мог бы сойти за моего близнеца. Мы выглядим совершенно одинаково. Если декан узнает о тебе и наркотиках в кампусе, он повесит эту дрянь на меня. И тогда с мечтой об НФЛ можно будет проститься.

Он помолчал, словно бы о чем-то раздумывал.

– Я буду держаться в стороне, не высовываться, чтобы тебя не затронуть. Что скажешь? Тебя это не коснется, малыш. *Te lo guiro*.

Да уж, он клянется. Я чуть было не рассказал, что сразу после его побега декан увел ту девчонку в свой кабинет. Но придержал язык, опасаясь того, что Аксель мог с ней сделать. Ее маленькое испуганное личико так и стояло перед глазами.

– А Леви? – признавая поражение, спросил я. Эта борьба меня измотала. И раз уж я не смог победить, придется смириться и молчать.

Аксель пожал плечами.

– Он останется со мной. В банде. Я за ним присмотрю.

– Аксель, ты должен его вытащить. Он не может так жить. Ему всего четырнадцать. Он мыслит иначе и не настолько храбр, чтобы посвятить этому жизнь.

– Нам нужны наличные, малыш. У каждого из нас свои обязанности по уходу за мамой. Ты играешь в футбол, мы с Леви торгуем. Не идеально, но нам необходимы обезболивающие, а для этого требуются деньги. Эта хрень стоит дорого, черт возьми. И раскладывая товар по полкам где-нибудь в «Пиггли-Виггли»¹⁵, столько не заработаешь.

Как бы дерьмово все это ни выглядело, Аксель был прав. Я не видел другого выхода. А после сегодняшней встречи с мамой понял: ей нужна вся доступная помощь... даже если единственный способ помочь ей являлся безнравственным.

– Слушай, как насчет того, чтобы Лев продолжал торговать, пока... – Аксель отвел взгляд, пытаясь сдержать печаль. Откашлявшись, он наконец проговорил: – Пока мама нас не покинет. А потом я его вытащу.

– Каким же образом?

Аксель ухмыльнулся.

– Ну, тебя-то я вытащил, правда?

Выдохнув, я кивнул. Да, вытащил.

Аксель положил руку мне на плечо.

– Думаю, малыш, ждать осталось недолго. Знаю, мы с Леви не находимся все время рядом с мамой, хотя теперь ей нужна почти постоянная забота. Она практически не встает и едва может есть. Черт, да она даже поспать не сходит, если кто-нибудь из нас ей не поможет. Так что все плохо, малыш. По-настоящему хреново.

Судя по тому, что я увидел сегодня вечером, брат вовсе не обманывал.

¹⁵ «Пиггли-Виггли» (англ. Piggly Wiggly) – американская сеть супермаркетов.

– Тогда будем дежурить по очереди. Я найду время между учебой и футболом, чтобы помочь. Немного посижу с ней, вымою, накормлю, отвезу на прием. Просто буду рядом.

Аксель усмехнулся и обнял мощной ручищей меня за шею.

– Заметано. Я буду рад почаще видеть тебя здесь. Конечно, пока ты вновь не начнешь махать кулаками, – с ухмылкой проговорил он. Но тут же снова стал серьезным. – И Джо. Мне удалось успокоить ублюдка, но не трогай его больше. Совсем ни к чему, чтобы он жаждал твоей смерти. В банде развелось слишком много тупых засранцев, желающих заслужить его одобрение. И они не станут раздумывать дважды. А тогда мне придется их убить.

Я лишь неохотно кивнул в знак согласия.

При виде моей холодности Аксель хмыкнул и потрепал по голове.

– Я скучал по своему маленькому братишке, вечно таскавшемуся за мной и ребятами. И теперь, пока ты не бросишь нас ради славы, все будет по-старому.

Я застыл.

– Аксель, я и близко не подойду к банде. И больше не стану торговать наркотой. А когда маме больше не понадобятся лекарства... – Я не смог произнести слово «умрет». Мне никогда не удавалось выговорить его вслух. – Мы все уберемся отсюда к чертовой матери. И станем жить по правилам. Не столь важно, как мы этого добьемся, но именно так все и будет. *Capisci?*¹⁶

Аксель ничего не ответил. Мы молча направились к трейлеру. Впервые за много лет, объединенные общим делом, все три брата Карилло собрались под одной крышей.

¹⁶ Тебе ясно? (ит.)

Глава 7

Лекси

Милая Дейзи,

Вес: 97 фунтов

Калории: 1600

Я просто в ужасе.

Не могу ни есть, ни спать и нарушаю схему питания.

Остин Карилло опасен. Теперь я это понимаю.

В мыслях царит хаос. А ты ведь знаешь, как мне важен контроль. Но сейчас он рассыпался прахом, и повседневный распорядок нарушился. Я стала потреблять меньше калорий, а тревога моя возросла. Я даже похудела на целый фунт. Доктору Лунду это не понравится.

Мне бы хотелось, чтобы ты была рядом.

Я-то нахожусь не в лучшем месте.

* * *

– Ой-хо! Тряхни, чем одарила тебя мама, детка! – прокричала Касс с трибун «Брайант-Денни», когда я закончила исполнять боевой напев «Кримсон Тайд». Она сидела рядом с Элли и жутко смущенной Молли.

Я не смогла сдержать улыбку, наблюдая, как Касс танцевала вокруг кресла Молли, ликуя и посылая той воздушные поцелуи. Роум Принс только что поцеловал девушку, прямо посреди игры, несказанно изумив всех нас. Лицо Молли появилось на висящих вдоль поля огромных экранах, и все собравшиеся на стадионе поверили, что она стала для Роума талисманом, принесла удачу. После того поцелуя он играл, как чертов Пейтон Мэннинг¹⁷.

Думаю, теперь можно точно сказать, что Касс не ошиблась. Между Роумом и Молли определенно что-то происходило.

«Тайд» играл с «Пантерами» из штата Джорджия, и до конца четвертой четверти осталось всего три минуты. Так что им не составит труда победить.

– Ну вот, он опять за свое, – проговорил Лайл, и в голосе его отчетливо слышалось раздражение. Он чуть подтолкнул меня локтем, кивнув головой в сторону Остина Карилло.

На поле выходили игроки защиты, а Карилло пока еще сидел на скамейке. Я видела, как он гневно поглядывал на меня большую часть игры.

От слов Лайла я застыла, но не обернулась. Целых две недели мне удавалось избегать встреч с Остином. «Тайд» уезжал в Арканзас, а я старалась держаться подальше от колокольни Денни во дворе. Мне больше не хотелось сталкиваться с наркоторговцами. Я слишком боялась последствий.

– Эй, ты меня слышишь? – спросил Лайл.

– Да, слышу. Просто не хочу обращать внимания. Мне все равно, смотрит он или нет. Меня это не заботит, – твердо произнесла я.

Музыкальная группа принялась отбивать барабанные удары на четыре такта, и Шелли вызвала команду, чтобы исполнить танец номер восемнадцать. Прыгая из стороны в сторону и хлопая помпонами в унисон барабанному бою, Лайл прокричал:

¹⁷ Пейтон Уильямс Мэннинг – игрок в американский футбол, 18 лет игравший на позиции квотербека в Национальной футбольной лиге. Один из лучших квотербеков за всю историю НФЛ.

– Вообще-то, тебе бы следовало волноваться. Разве ты не знаешь, откуда он?
Я чуть не споткнулась и укоризненно взглянула на Лайла.

– Нет. А в чем дело? Тебе что-то известно?

Шаг вперед, высокий взмах правой ногой, и мы громко пропели:

– «Вперед, „Тайд“, вперед».

И вновь движения из стороны в сторону. Танец повторялся сначала.

Лайл снова наклонился и прошептал:

– Знаешь ли, я в этой группе с первого курса, так что, кое-что слышал.

– Что именно?

Мне отчаянно хотелось узнать о прошлом Остина. Конечно, я слышала, что его считали проблемным парнем. Слухов об этом ходило множество. Хотя в подробности никто не вдавался.

– Тебе известно о банде из «Западных холмов»?

Я потрясенно уставилась на Лайла и, сбившись с ритма, споткнулась. Смутившись, сквозь ряды чирлидеров посмотрела на Шелли и поймала на себе ее пристальный взгляд.

– Не отвлекайся! – сощурившись, произнесла она одними губами, и я поморщилась.

Но стоило ей отвернуться, я уставилась на Лайла.

– Банда с западной окраины Таскалусы, которую постоянно упоминают в вечерних новостях в связи с наркотиками и перестрелками? Это та самая банда из «Западных холмов»? Итальянцы?

Глядя на меня широко раскрытыми глазами, Лайл кивнул.

– Да, единственная и неповторимая.

– Ты имеешь в виду... – Я резко замолчала, поняв, что чуть не пропустила сигнал к двойному прыжку вперед.

Стоило нам приземлиться, Лайл продолжил как ни в чем не бывало:

– Да. Карилло – полноправный член банды. Его семья глубоко увязла. Брат сидел в колонии, кажется, в округе Шелби. Я слышал, Лекси, детка, что Остина тоже пару раз арестовывали. Брат Карилло чертовски опасен, и, сказать по правде, думаю, Остин не многим лучше.

На этот раз я остановилась. Просто замерла посреди танца. Остин с братом были Холмчими? А значит... Боже! Его брат торговал наркотой... для Холмчих! Сердце грохнуло в груди, как пушечный выстрел. Я вдруг почувствовала, что не могу дышать.

Почему тем вечером я умудрилась пройти мимо них? Что мне стоило держаться подальше от двора? Ведь забот и так хватало. И эта мегаугроза явно оказалась лишней. Да я уже две недели находилась на грани нервного срыва!

После идеально выверенного прыжка назад Лайл заметил, что я перестала двигаться. Взяв за руку, он потянул меня подальше от центра поля.

– Лекси, детка, все в порядке? Ты белая, как мел.

Я попыталась кивнуть, как-то показать, что все хорошо. Но дышать пока удавалось с трудом. В памяти то и дело всплывала угроза Остина. И теперь она приобретала совсем иной смысл...

«Забудь, что сегодня здесь видела. И тогда последствий не будет. Но если скажешь кому-нибудь хоть слово, кому угодно, тебе не поздоровится. Ты и понятия не имеешь, во что ввязалась. Есть люди, готовые пойти на все, лишь бы ты молчала. Без каких-либо ограничений».

– Лекси! У тебя голова кружится или еще что? – спросил Лайл, привлекая внимание нескольких девушек из группы, которые начали странно на меня коситься.

Я медленно покачала головой и вдруг ощутила, как волосы на затылке встали дыбом.

Меня словно магнитом потянуло к скамейке, на которой сидели игроки «Прилива». Я обернулась, чтобы взглянуть в ту сторону, и тут же пожалела об этом. Увидев мое испуганное лицо, Остин Карилло поднялся со скамейки и встал у кромки поля, сжимая кулаки и прожигая

мрачным взглядом темно-карих глаз. Крупный, мускулистый, внушительный... Воплощение страха и угрозы.

Казалось, одним лишь суровым выражением лица Остин напоминал о своем предупреждении. Продолжая держать меня за руку, Лайл прошипел:

– Слушай, с чего это Карилло выглядит так, будто хочет тебя убить? Я и правда начинаю нервничать.

Наблюдая за моей беседой с обеспокоенным Лайлом, Остин лишь медленно покачал головой. Я поняла предупреждение. «Если скажешь кому-нибудь хоть слово, кому угодно, тебе не поздоровится». Взяв себя в руки, я повернулась к Лайлу.

– Все нормально, Лайл.

Он усмехнулся.

– Это точно не похоже на нор...

Дрожащими руками сжав ладони Лайла, я выпалила:

– Я сказала, забудь!

И тут же ощутила себя виноватой. Я обидела единственного человека из команды, с кем мы по-настоящему сдружились. Лайл попытался отвернуться, но я взяла его за руку. Он замер и повернулся ко мне, веснушчатое лицо покраснело.

– Прости. Я не хотела грубить. Но...

Меня прервал свисток, возвещающий об окончании игры.

Лайл опустил голову, плечи его поникли.

– Лекси, я все понимаю. Ты не хочешь говорить об этом. Но сделай одолжение, держись подальше от этого парня. Он по уши увяз в проблемах. И чем бы ты ни привлекла его внимание, просто молись, чтобы он поскорей забыл об этом.

С этими словами Лайл бросился в толпу болельщиков, высыпавших на поле, чтобы отпраздновать победу. Я же, развернувшись, со всех ног устремилась в туннель, ведущий к раздевалкам. Мне хотелось побыть одной. Но, даже пустившись бежать, я по-прежнему ощущала на себе взгляд Карилло. Пока остальные игроки победно проносились мимо, он наблюдал за мной с каменным выражением лица.

Втянув голову в плечи и подавив страх, я пробралась сквозь большую толпу ликующих фанатов и направилась в раздевалку, чтобы спрятаться.

* * *

– Роум Принс сегодня устраивает вечеринку в общежитии. Элли только что прислала сообщение, – услышала я голос Тани, вице-капитана команды поддержки. Она разговаривала с кем-то, стоя под душем.

– Классно! Ты уже сказала девочкам? – спросил второй голос.

– Сейчас и скажу. Наконец-то я смогу выпить! Вечеринки у Роума всегда потрясающие, – мечтательно проговорила Таня.

А потом они с собеседницей вышли из душевой.

«Правильно, Лексингтон. Продолжай прятаться. Не стоит принимать душ вместе с командой. Иначе они заметят, насколько ты несовершенно. Думаешь, они не увидят жир? Целлюлит? Не поймут, как ты отвратительна? Ведь они-то даже без одежды щеголяют безупречными загорелыми телами».

Зажмурившись, я раскачивалась взад-вперед на холодном кафельном полу душевой кабинки. Зажав руками уши, тщетно пыталась отгородиться от изводящего меня голоса. Я слышала, как где-то неподалеку смеялись и шутили, обсуждая, что надеть на вечеринку, товарищи по команде. Я им завидовала. Они казались такими беззаботными.

Я не знала, как долго сидела здесь, прячась от команды. Ужасаясь при мысли об общих душевых. Ведь мне придется показать свое слишком жирное тело. Может, минули часы или только несколько минут. Я бы не смогла сказать.

Сев ровнее, я напряглась, пытаюсь уловить чьи-либо шаги или смех.

Но теперь стало тихо, и я наконец-то смогла облегченно вздохнуть.

Медленно поднявшись, я открыла дверь душевой кабинки и выглянула наружу. Слава богу, все ушли.

Когда я вошла в пустую раздевалку, в воздухе, словно вуаль, висели запахи лака для волос, духов и фруктового геля для душа. Добравшись до своего шкафчика, я достала сумку с принадлежностями для душа и салфетки, чтобы снять макияж, и направилась к зеркалу.

Какое-то время я просто смотрела. Зеленые глаза с черной подводкой, лицо кажется бледным из-за светлого тонального крема, а губы ярко-красные, словно свежая кровь. Теперь я стала такой. Этот мрачный макияж определял мою суть. Превратившись в маску. И хуже всего, что каждый вечер мне приходилось его снимать.

С каждым движением хлопчатобумажной ткани внутренние силы ослабевали. Черно-белый макияж уступал место обычной розовой коже. И все страхи вновь нахлынули на меня. Как и всегда.

Бросив заляпанную салфетку в стоявшую у ног маленькую урну, я вздохнула. Доспехи исчезли.

Я пристально разглядывала белую блестящую фарфоровую раковину, но заставила себя поднять глаза. Доктор Лунд учил, что это – важная часть процесса восстановления.

Но в тот миг, когда я вскинула голову и взглянула на свое отражение, реакция оказалась той же, что и на протяжении многих лет. Сердце рухнуло куда-то вниз, и я ощутила лишь отвращение.

Вот она. Лексингтон. Лексингтон Харт. Девушка с кучей недостатков, которую нельзя назвать даже миловидной. Ничего привлекательного. Далеко не безупречный цвет лица и дурацкая россыпь веснушек на носу.

Отвратительная девушка.

Толстая.

«Но можно все улучшить, Лексингтон. Простопусти меня. И мы достигнем совершенства».

Я крепко вцепилась в края раковины, борясь с внутренним демоном.

Опустив глаза, я расстегнула молнию и медленно стянула юбку вниз. За ней последовала майка, потом нижнее белье. Наконец, я осталась голой.

И слабой.

Слезы катились из глаз, а я замерла, уставившись на кафельный пол. Это было самое трудное. Взглянуть на настоящую себя.

На свое исцеленное тело.

«Один... два... три... четыре...» – считала я про себя, готовясь к тому, что увижу сегодня. Буду я выглядеть лучше? Толще? Худее? Хуже, чем когда-либо?

Резко распахнув бледно-зеленые глаза, я наткнулась на свое голое отражение и удивленно уставилась на него. Я ощутила подступившие слезы, а рука инстинктивно потянулась к ключице. Та оказалась полнее, чем следовало. Когда-то эта часть тела была самой любимой. Четко очерченная, она явно выдавалась вперед... Но теперь уже нет.

Уже нет...

Я коснулась плеча, сжав бицепс большим и указательным пальцем. И чуть не зарыдала, заметив, сколько на немросло жира.

Когда-то я могла ухватить лишь кожу. Но теперь уже нет.

Уже нет...

Откуда ни возмись, раздался тихий смех, и я резко обернулась, осматривая комнату. Внутри никого не оказалось. И, осознав, кто же смеялся, я вся покрылась мурашками.

«Верно. Это я, Лексингтон. Большие здесь никого нет. Лишь я. А ты сильно прибавила в весе. Да ты и сама видишь, к чему привело ожорство... У тебя во взгляде все написано. – Я застыла. – Давай-ка мы вернем тебя куда следует. Ты ведь и сама туда стремишься. Просто позволь мне войти. И дай поводья. Отдайся мне. Откройся совершенству».

Он словно направлял меня, как марионетку. И я послушно провела руками по ребрам. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Пальцы лихорадочно забарабанили по коже. Слишком много жира. Я нашла лишь шесть ребер. А их должно быть десять. Нет! Я нашла только шесть.

Я опустила руку ниже, нащупав пальцами лишнюю плоть на животе. Еще ниже. Нет, нет, нет! Мои бедра! Они уже не казались выступающими, угловатыми или четко очерченными. На них оказалось слишком много жира. Я слишком толстая. Больше не надо! Пожалуйста! Я... Я...

«Хватит! Лекси... борись!» – настойчиво велела я себе.

Тяжело дыша, я резко пришла в себя. Бледную обнаженную кожу испещряли красные отметины там, где я добралась до костей. На шее и груди появилась сыпь, глаза покраснели от напряжения.

Семь минут.

И тридцать две секунды.

И вот я снова смогла двигаться.

Нормально дышать.

И мне удалось побороть живущий в сознании голос, призывающий сдаться.

Я чувствовала себя измотанной. Словно Давид, только что поборовший Голиафа. Вот только мой Голиаф не умер. И даже не ушел. Его нельзя победить и остается просто сдерживать. Но при мысли о том, что он будет сидеть внутри меня всю жизнь, сердце пропустило удар.

Определенно, я не позволю ему победить.

И я направилась к пустым душевым. Повернула кран, и в трубах что-то зашумело. Шагнув под струи душа, я подставила воде свое тело, чтобы смыть близкую неудачу... и отрицательный настрой.

«Ты красивая, Лекси. Сильная. И уже сейчас совершенная», – мысленно повторяла я.

Доктор Лунд научил меня использовать мантры, чтобы сохранять позитив. Ведь это – уже половина успеха. По крайней мере, так сказал доктор. И я изо всех сил старалась следовать его совету. Черт, да я просто вцепилась в него ногтями и держалась изо всех сил.

Глава 8

Лекси

Через десять минут я приняла душ и оделась. Зная, что внутри никого нет и тренеры с игроками до завтра не появятся, я вышла из раздевалки.

Я все еще ощущала себя ранимой и беззащитной и медленно плелась по коридору, прижимая сумку к груди. Я уже прошла половину пути, когда раздался сильный грохот. Я чуть не споткнулась от испуга. И резко повернулась в сторону раздевалки для игроков. Шум доносился оттуда.

Сердце бешено забилося от страха. Я повернулась и хотела уйти, но тут неистовый громкий крик эхом разнесся по коридору, накрыв и меня. Кто бы это ни был, он явно страдал. Мучился. Как будто из него вырывали душу.

Меня тут же потянуло на звук. В конечном счете боль притягивает боль.

И не успела я опомниться, как ноги уже несли меня к раздевалке игроков «Прилива»... к человеку, кажется, более сломленному, чем сама я. К тому, кто смог бы меня понять.

По мере приближения к двери шум все нарастал. А потом внезапно стало тихо, и кто-то издал болезненный крик, рикошетом отразившийся от металлических шкафчиков. Приблизившись к двери, я задумалась, стоит ли мне идти дальше. Может, человек хочет побыть один. Возможно, я помешаю. Но я не могла просто так уйти.

Я разглядывала закрытую дверь раздевалки.

Осталось всего три шага.

И я нажму на дверную ручку, перешагну порог и смогу увидеть, кому так больно.

Еще три шага, и я, возможно, сумею помочь.

Прижав спортивную сумку к груди, словно щит, я шагнула внутрь и тут же замерла, заметив, кто передо мной.

Карилло.

На полу сидел Остин Карилло. Он был без рубашки. На подтянутом мускулистом теле виднелись замысловатые узоры из темных и цветных татуировок. Обхватив голову руками и тяжело дыша, он привалился спиной к холодной дверце шкафчика.

Я молча наблюдала за ним, не решаясь что-нибудь сделать. Карилло явно страдал, но рядом находилась я. Та, кого он ненавидел, угрожал. Наверное, меня он хотел бы увидеть в последнюю очередь.

Наконец я решила просто спокойно оставить его наедине с горем. И уже собиралась развернуться и уйти, когда Карилло резко поднял голову. И я потрясенно замерла.

Темные глаза Остина налились кровью от напряжения, на покрытых темной щетиной щеках виднелись красные полосы. Похоже, он неистово тер руками лицо. Заметив меня, он раздраженно стиснул зубы, и скорбь его чуть отступила.

Вот черт. Кажется, я ошиблась.

И весьма серьезно.

Ударив кулаками в кафельный пол, Остин резко вскочил на ноги. При росте в шесть футов четыре дюйма он, казалось, нависал надо мной, даже находясь в другом конце комнаты. Наши взгляды встретились, и у меня затряслись руки и ноги.

Он был зол...

И я его боялась.

Он принадлежал к уличной банде, Холмчим. Неоднократно подвергался аресту. Его брат отсидел срок. И теперь я осталась с ним наедине. А он был в ярости. И, казалось, его гнев предназначался мне. И никого поблизости, чтобы помочь.

Карилло двинулся вперед, но замер в нескольких шагах от меня. Он буквально излучал опасность и тьму, подобно испускающему тепло солнцу. Вокруг Остина словно висело силовое поле, некая аура, и это лишь еще больше пугало.

Прищуриив темно-карие, почти черные глаза, Карилло изучал мое лицо. Я еще крепче вцепилась в спортивную сумку. Но внезапно он поднял брови, и в выражении лица его что-то изменилось. Я нахмурилась.

«И что же его так удивило?»

И тут я вспомнила, что не стала вновь накладывать макияж. Меня просто потрясло, насколько легко голос смог снова пробиться в мысли. И хотелось лишь убежать домой.

Я тут же смутилась, ощутила сильную неловкость, ведь он увидел меня ранимой и несовершенной. Хотя и не понимала, почему вообще беспокоилась об этом. Он ненавидел меня, я его боялась. Вот только это задело. Я очень сильно встревожилась, что он обнаружил настоящую меня.

Девушку, что не соответствовала требованиям.

Ту, у которой оказалось слишком много недостатков.

– Какого черта ты здесь делаешь? – холодно спросил Карилло, вторгаясь в мои мысли; на лице его вновь застыло бесстрастное выражение.

– Я... я... я...

Остин шагнул вперед. И я ощутила его запах, острый, мускусный, с древесными нотками, запах тяжелой игры. Который лишь добавлял ему тьмы.

– Ну что якаешь? – Он жестко рассмеялся. – Почему ты всегда появляешься там, где не нужно? И когда тебя явно не ждут? В тех местах, где тебе вообще быть не положено?

Я нервно сглотнула и попыталась отступить, но он резко схватил меня за руку и дернул вперед.

Я тихонько вскрикнула. Хотя его прикосновение не причиняло боли. На самом деле он едва дотронулся до меня. Просто застиг врасплох. Я неохотно взглянула ему в глаза.

– Ты сегодня что-нибудь сказала тому парню из группы поддержки? – тихо прошипел он. Не в силах вымолвить ни слова, я лишь отчаянно замотала головой.

Остин сжал мне руку чуть сильнее. Я инстинктивно попыталась вырваться.

– Отвечай! Он в ужасе смотрел на меня на протяжении всей чертовой игры!

Глубоко вздохнув, я сумела пропищать:

– Я ничего ему не говорила.

В ответ Остин лишь сузил глаза, и я поняла: он мне не верит.

– Поверь, я ничего не сказала. Клянусь. Ни декану, когда тот говорил со мной. Ни Лайлу. Просто Лайл несколько раз замечал, как пристально ты за мной наблюдал, и предупредил об этом. Вот и все. – Отдернув руку, я потеряла нежную кожу.

Остин провел рукой по темным волосам и с облегчением выдохнул. Но по-прежнему пристально смотрел на меня.

Казалось, он боролся с чем-то внутри. Но потом лицо его застыло. И устрашающая маска Холмчего вернулась на место.

– Лучше, если увиденное тобой не выплывет наружу, – ледяным тоном предупредил он. – Я за тобой присматриваю.

Неведомо откуда найдя в себе силы, я шагнула прямо к нему. И на этот раз он замер.

– Я же сказала, что буду молчать. Я знаю, каково это – иметь тайну, нечто такое, что хочется хорошенько спрятать. Уж поверь мне. Так что никому ничего не скажу. Но вот ты заставляешь людей задавать вопросы. И сам все портишь. Хватит смотреть на меня так, будто хочешь убить. Это лишь привлекает внимание. Декан уже начал подозревать, что я что-то видела. Ты просто не умеешь скрывать свои эмоции.

Он промолчал в ответ. Под пристальным взглядом я опустила глаза. И наткнулась на огромное распятие, вытатуированное на обнаженной груди. У его основания лила слезы Мария, Матерь Божья. А еще одна Мария смотрела на муки Иисуса; на лице ее застыла скорбь при виде сына, распятого на кресте... умирающего.

Татуировки покрывали почти каждый дюйм верхней части его тела и все руки. Большинство из них – на религиозную тему. Кое-где виднелись надписи, порой на иностранном языке. Кажется, на итальянском.

Внезапно Остин скрестил мощные руки на груди, а ноздри его раздулись от гнева.

– Убирайся к чертовой матери, – холодно приказал он.

Не колеблясь, я повернулась, чтобы уйти. Но внезапно оглянулась и храбро сказала:

– Ты пугаешь меня, Карилло. Я тебя боюсь. Доволен? Я знаю, кто ты и откуда, из какой семьи. Меня неплохо просветили. Так что хватит угроз и злобных взглядов. Я поняла, что ты опасный парень. Осознала. По ночам я спать не могу от страха. И знаю: если проболтаюсь, ты причинишь мне вред без всяких угрызений совести. Я не дура. Поэтому умоляю, прошу, оставь меня в покое. Я никогда не скажу о том, что видела. Но хватит меня мучить.

Я не стала дожидаться его реакции.

Пробежав всю дорогу до женского общежития, я поднялась на четвертый этаж, чтобы попасть в свою комнату.

Когда я проходила мимо открытой двери Касс, то услышала голос Элли:

– Лекси! Милая, иди сюда!

Я замерла, как вкопанная. Но потом бросила сумку и вошла в комнату, нацепив на лицо обычную фальшивую улыбку. Касс и Элли сидели на кровати.

– Привет, девчонки! – проговорила я, изображая самую счастливую девушку на свете.

– Ай! – взвизгнула Элли и вскочила, чтобы меня обнять. – Детка, ты сегодня была великолепна! Я так тобой горжусь!

Элли отстранилась и тут же изумленно открыла рот.

Я сразу смутилась.

– Что? – спросила я.

– Да ты просто красавица, милая. Я прежде никогда не видела тебя без темного макияжа.

– Черт возьми, точно. Горячая штучка! – добавила сидящая на кровати Касс. Она пила домашний виски прямо из стеклянной банки. Деревенщина до мозга костей.

Теребя влажные волосы, я неохотно пробормотала:

– Спасибо.

Конечно же, я не красавица. Они просто старались быть милыми. Прекраснейшая Элли явно знала в этом толк. Но я терпеть не могла притворные замечания. Ненавидела, когда мне лгали.

– Так в чем дело? – спросила я, чтобы увести разговор от темы моей внешности.

Присев на краешек кровати Касс, я махнула рукой, отвергая ее предложение глотнуть виски.

– Роум устраивает вечеринку в общежитии. И мы туда пойдем, – проговорила Элли.

Живот скрутило. Значит, Остин тоже придет. Ведь он жил с Роумом в одном здании. Так что мне там не обрадуются.

– Думаю, я пас. Просто с ног валюсь, – проговорила я.

Но тут Касс вскочила с кровати и споткнулась, когда ноги ее коснулись деревянного пола.

Отлично. Она уже почти напилась в хлам. Значит, придется всю ночь за ней присматривать.

– Даже и не думай! Ты идешь! Молли уже отвалилась, сказала, что будет учиться. И наши с Элли уговоры не перебьют ее английского упрямства. Но ты нас не кинешь.

Скрестив руки на груди, Элли с ухмылкой наблюдала за Касс, которая оперлась на стол, чтобы не упасть.

Оценив, насколько она пьяна, я лишь закатила глаза, встала и направилась к двери.

– Мне нужно подготовиться, – пояснила я.

– Точно, Лекси-секси, обалденный гот! Сегодня будет грандиозная ночь! – крикнула Касс мне вслед.

Подхватив спортивную сумку, я направилась в свою комнату, готовиться.

«Грандиозная, как же», – подумала я.

Скорее уж напоминает катастрофу, готовую разразиться в любой момент.

Глава 9

Остин

«Ты пугаешь меня, Карилло. Я тебя боюсь. Доволен?»

Я лежал на кровати, а слова этой девчонки настойчиво крутились в голове, вызывая тошноту. Она боялась меня, а я даже не знал, как ее зовут. И ненавидел всю эту ситуацию. Мама учила меня никогда не обижать женщин. Я же возник возле этой чирлидерши, следил за ней, а потом еще схватил за руку. И все из-за банды! Дерьмовая жизнь.

Маме есть за что меня стыдиться. Но семью придется защищать. Ведь маме совсем не нужно, чтобы хоть один из нас угодил за решетку. Кто тогда будет за ней присматривать?

Сразу после игры мне позвонил Аксель. Маме стало хуже. По-настоящему плохо. Он отвез ее в бесплатную клинику, и врачи прописали еще больше лекарств. У мамы случился очередной приступ. А у нас не было денег, даже чтобы покрыть стоимость больничных медикаментов. Так что Акселю пришлось забрать ее домой, невзирая на боль.

Я дождался, пока все игроки покинут раздевалку, а потом разнес ее на части. А после вошла она, чертова чирлидерша-гот. Вот только она не слишком походила на гота. Мне нравился ее готический образ; она казалась темной, как я. Но без макияжа девчонка выглядела совсем иначе... Красивой. И сердце чуть не вспыхнуло в груди.

За последнее время она слишком много узнала обо мне и моей семье. Так что пришлось ее отпугнуть. Фамилия Карилло обязывала.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Роум. Он осторожно кивнул мне и сел на диван. Все первокурсники слонялись внизу, готовились к вечеринке, что намечалась в нашем общежитии. Так что до прихода гостей старшекурсникам можно расслабиться.

Роум взял пульт и включил телевизор, нашел спортивный канал. Я безразлично наблюдал, как ведущие подводят итоги игр НФЛ, состоявшихся в прошлое воскресенье.

– Скажешь, кто звонил тебе после игры? – наконец спросил Роум, не отрывая глаз от экрана.

Я бросил на друга быстрый взгляд, отметив, что сегодня на нем привычная майка без рукавов с логотипом «Тайда» и джинсы. Роум сидел, опершись на руку. Но, почувствовав, что я на него смотрю, поднял голову и взглянул в мою сторону.

– Ну? – подтолкнул он.

Усевшись на край кровати, я уперся локтями в колени и расстроено провел руками по волосам.

Я не мог говорить о маме. Это было чертовски больно.

– Карилло. Выкладывай. Что-то происходит, и это тебя гложет. Дело в твоей маме?

Вздыхнув, я взглянул на лучшего друга и заметил, как он обеспокоенно нахмурился.

– Да. Ей становится все хуже.

Лицо Роума вытянулось. Он до смерти любил мою маму. Она стала ему почти родной, в то время как собственная мать даже знать его не хотела. Мама заботилась о нем, выслушивала проблемы и смотрела каждый футбольный матч, где мы с ним играли.

– Что нужно сделать? – задал он прямой вопрос.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Достать некую чудо-таблетку.

– Так достань. В чем проблема? – откровенно спросил он.

Внутри все сжалось, и я раздраженно уставился на него.

Роум наклонился вперед и сказал:

– Остин, если речь о деньгах, ты знаешь, что я...

– Не надо, – отрезал я. – Даже не заканчивай чертову фразу. Я ничего у тебя не возьму. Знаю, ты хочешь как лучше и все такое, но этого не будет.

Роум встал и принялся рассказывать по комнате.

– Карилло, мать твою! Не упрямься! Ты же знаешь, у меня есть деньги. Дед с бабушкой оставили мне миллионы... Миллионы, восемьдесят третий! А учитывая, как твоя мама в детстве заботилась обо мне, я с радостью отдам их ей. Мне больше не на что их тратить. Если папа добьется своего, я вскоре стану управлять «Принс Ойл» и превращусь в гребаного миллиардера!

Подойдя к Роуму, я положил руку ему на плечо, побуждая остановиться. Он взглянул на меня, и на лице его отразилась боль. Из-за мамы. А еще потому, что на него давил отец, заставляя отказаться от отбора в НФЛ, принуждая заняться семейным бизнесом. Мой лучший друг тоже страдал.

Нам обоим пришлось несладко.

– Во-первых, ты не будешь управлять «Принс Ойл». Ты пройдешь отбор и станешь профессиональным игроком. Ты же знаешь, тебя возьмут уже в первом раунде. Так что просто следуй этому плану. И во-вторых: я ценю все, что ты пытаешься сделать для меня и мамы, но твоих денег я не возьму. Аксель их не примет. Просто мне, ему и Леви придется постараться. Но мы справимся.

Роум усмехнулся и покачал головой.

– Каким это образом? Холмчие? Вот решение твоих денежных проблем? Дурь? Так ты справишься?

У меня кровь в жилах застыла.

– Не твоя забота, Пуля.

Роум положил руку мне на плечо.

– А тут ты ошибаешься. Это мое дело. Не желаю видеть, как лучший друг, почти брат, загремит за решетку за торговлю наркотиками. Ты разрушишь свою жизнь. И я предупреждаю, Карилло: если свернешь на этот путь, от меня помощи не жди. Я не стану наблюдать, как тебя снова втягивают в ту жизнь. Не сейчас, когда на горизонте замаячила НФЛ.

Отбросив его руку, я вернулся к кровати и тяжело опустился на край.

– Карилло? Какого хрена? – сердито спросил Роум.

– Я не торгую наркотой, так что успокойся.

– Но торгует Аксель? – почти уверенно проговорил он.

Я кивнул. Роум сел рядом, и какое-то время мы смотрели куда-то вдаль. И молчали.

– А теперь и Леви, – наконец неохотно признался я.

Роум мгновенно замер.

– Леви? Четырнадцатилетний Леви? Боже, Остин! Нет! Ты говорил, он у Холмчих просто на подхвате. А не торгует для них! – вскричал он, разозлившись еще больше. Роум любил моего младшего брата и хотел для него большего.

– Да, Роум. Мой маленький брат. Леви достаточно взрослый, чтобы внести свою лепту. Акс вытащит его, когда все кончится. Мы, Карилло, выкручиваемся, как умеем.

– И нарушаете закон, – пробормотал Роум.

Я недовольно взглянул на него.

– Не важно, Роум. Главное, чтоб мама не мучилась от боли. Ты же знаешь, это не навсегда. Заработать сейчас хоть пару сотен тысяч. А потом я постараюсь вытащить нас всех отсюда.

Роум повернулся ко мне.

– Остин, умоляю, позволь мне оплатить ее лечение. Ни займов, ни возвратов. Просто позволь мне сделать вам подарок... ради нее.

Я хлопнул Роума по спине, от чувства признательности в горле встал ком.

– Не парься, приятель. Но я никогда не забуду, что ты предложил. Я столько в жизни ни от кого не получал.

Возможно, это казалось упрямством, но я не возьму денег у лучшего друга. Ни цента. Маме бы это не понравилось. Она гордая женщина... а я – такой же гордый сын.

Мы с Роумом какое-то время молчали, раздумывая каждый о своем. А потом он встал и направился к двери. Между нами вновь царил мир.

– Внизу, в десять. Нам с тобой нужно выпить, – проговорил Ром, и я расслабился, поняв, что разногласия остались позади.

– Конечно.

Роум открыл дверь. Он почти шагнул за порог, когда я спросил:

– Эта англичанка, с которой ты проводишь время...

– Молли? – спросил Роум. – А что с ней?

– Та маленькая готка, что с ней тусуется, чирлидерша...

Роум прищурился, пытаясь уловить, о ком я говорил. Через какое-то время на лице его мелькнуло понимание.

– Да?

Я опустил глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Ты знаешь, как ее зовут?

Роум на мгновение замолчал. Взглянув на друга, я увидел, что он задумался. И, пожав плечами, наконец ответил:

– Лана, Люси, Лиззи, что-то в этом роде. Или Лекси? Да, думаю, Лекси. – Он нахмурился. – Может, скажешь, зачем тебе это?

Я тупо уставился на него. Роум рассмеялся и дважды стукнул по двери.

– Не парься. Я уже ухожу.

Я снова остался в комнате один. И сразу же перед мысленным взором возникло ее лицо. Ланы, Люси, Лиззи или, может, Лекси? Как бы ее ни звали, я тут же ощутил себя засранцем.

«Ты пугаешь меня, Карилло. Я тебя боюсь...»

* * *

Час спустя в мужском общежитии оказалось полно народу. Мы с Роумом стояли в углу комнаты, потягивая пиво. Роум походил на гребаного наркомана. Прислонившись спиной к стене рядом со мной, он неотрывно наблюдал за дверью, постоянно дергался и покачивался с ноги на ногу. Друг уже отверг всех фанаток, которые к нему приближались. Роум был плеейбоем до мозга костей, и внезапное отсутствие интереса к противоположному полу показалось мне чертовски забавным.

Эта англичаночка, Молли, и правда зацепила парня.

Роум болтал о каких-то глупостях, когда я вдруг увидел вошедшую в комнату Элли, его кузину. Следом за ней появилась Касс, девушка Джей-Ди; кажется, она уже изрядно перебрала.

Сперва я не заметил ее. Но, как оказалось, она шла сзади. Лана, Люси, Лиззи, а может, Лекси, как бы там ее ни звали, оделась во все черное. Черная рубашка с длинными рукавами подчеркивала тонкую талию; казалось, я мог бы обхватить ее одной рукой. Короткая черная юбка, черные колготки, черные ботинки на каблуках. Завитые волосы она зачесала набок, как у Диты фон Тиз¹⁸, подчеркнула черной подводкой огромные глаза, а губы накрасила темно-красной помадой.

Черт. К большой моей досаде, выглядела девчонка хорошо.

¹⁸ Дита фон Тиз – американская исполнительница шоу в стиле бурлеск, фотомодел, певица.

Она улыбнулась Касс, а потом вдруг подняла бледно-зеленые глаза и взглянула в мою сторону. На несколько мгновений наши взгляды встретились, и на ум тут же пришли слова, что она сказала чуть раньше. «Оставь меня в покое». Зажав в руке банку пива, я отвернулся и стал пробираться сквозь толпу пьяных игроков «Тайда» и их фанаток, а потом вышел через заднюю дверь на улицу и окунулся во влажный ночной воздух.

– Остин! – окликнул меня кто-то.

Рис сидел возле ямы для костра вместе с другими игроками-первогодками. Я кивнул и направился к похожему на серфера светловолосому квотербеку из второй группы, рассеившемуся в непринужденной позе, а по пути бросил уже пустую банку в мусорную корзину.

Стоило подойти, как Рис протянул мне новую бутылку, а сидевший рядом с ним новичок-лайнмен¹⁹, Коллинз, подвинулся, чтобы освободить место.

– Ты в порядке, парень? – широко ухмыляясь спросил Рис.

Парнишка и вправду оказался нормальным. Вот только я не мог говорить с ним, как с Роумом или Джей-Ди. О своей жизни и проблемах я осмелился бы рассказать только кому-то по-настоящему особенному.

Похлопав его по плечу, я кивнул, подтверждая, что все в порядке. Рис повернулся к Калебу Бейкеру, юному ресиверу, и принялся обсуждать с ним Таню, вице-капитана группы поддержки, которая как раз шла по лужайке. Я не стал им мешать. Мне вовсе не хотелось говорить о некой крашеной блондинке, чьи проблемы сводились лишь к выбору помады для понедельничных занятий.

Откинувшись на спинку скамьи, я поднял взгляд к усыпанному звездами небу и глубоко вздохнул. Почему каждый раз, когда смотришь на миллиарды крошечных огоньков, рассеянных в просторах галактики, чувствуешь себя отрадно-незначительным и все проблемы куда-то уходят? И кажется, что в жизни, в целом мире есть нечто большее, недоступное пониманию. Как будто все люди – просто части некоего великого плана, грандиозного замысла, предназначенного нам Господом. Но стоит отвести взгляд от сверкающей россыпи бриллиантов на темном покрывале неба, как все заботы обрушиваются вновь, а невзгоды просто сокрушают. Проблемы, словно кинжалы, впиваются в грудь, омрачая жизнь собственным светом.

– Куда это он? – услышал я голос Риса и оторвал взгляд от лайма, плавающего в бутылке с мексиканским пивом. Чей-то локоть толкнул меня в бок.

Проследив за взглядом Риса, я заметил Роума, бегущего через улицу к женскому общежитию. И в ответ на вопросительный взгляд парня лишь пожал плечами.

В патио я разглядел торчащих возле гриля Элли, Касс и Джей-Ди. Но чирлидерши видно не было.

Когда сидевшие вокруг парни принялись делиться планами на праздники, я решил, что мне тут делать нечего. Они обсуждали огороженные частокотом белые домики и обычные семьи, где обменивались подарками и радостно встречали Рождество. А я чувствовал себя здесь подобно сорной колючке, затесавшейся среди роз.

– Я пойду, – сказал я Рису и поднялся со скамьи, а потом направился сквозь ухоженный сад в летний домик братства. Ключ от него имелся лишь у нас с Роумом. Конечно, не стоило так наглеть, но в общежитии, да и в самом «Приливе» мы считались старожилками, так что слово наше было законом. Ром теперь редко приходил сюда, так что в основном здесь обитал я. Видит Бог, иногда приходилось и прятаться.

Нашупав в кармане ключ, я выудил его и открыл деревянную дверь. Свет решил не включать. В противном случае сюда обычно являлись пьяные студентки, пытались использовать домик для постельных утех. Не хотелось бороться с ними сегодня.

¹⁹ Лайнмен – в американском футболе: игрок, блокирующий защитников соперника.

Домик был маленьким, но чертовски великолепным. Деревянные стены и пол, на огромных окнах – плотные красные шторы, два коричневых кожаных дивана, камин, маленькая кухонька, телевизор и, наконец, предмет особой гордости – огромное окно в потолке, заливающее светом весь центр дома. Лишь еще один пример того, как здесь обращались с футболистами.

Какому студенту в двадцать один год нужен чертов летний домик? Но я провел здесь много времени. Я просто не терпел подобных вечеринок. Не мог наблюдать, как парни играли в пив-понг²⁰ и клеили девчонок, когда мама, возможно, лежала в трейлере, страдая от боли, или братья могли схлопотать пулю из проезжающей мимо машины. Нужно держаться незаметно и просто дотянуть до отбора. Во всей этой истории мне выпала именно такая роль. Пройти отбор и спасти всех нас.

Ничего сложного.

Футбол стал моим выходом.

Ответом на вопрос.

Откликом на все молитвы Карилло.

Сгорбившись на диване, я вытащил телефон. Аксель прислал сообщение.

Аксель: Сегодня заработал прилично, хватило маме на таблетки. Леви преуспел на улицах, хорошо поработал. Маме стало лучше, чем пару часов назад. Ей даже удалось уснуть. Мы, Карилло, по-своему со всем справимся, Ост. Просто нужно продолжать в том же духе.

Ощувив свою беспомощность, я сунул телефон обратно в карман. И тут снаружи разразился настоящий ад. Заметив вспышки света, отбрасывающие тени на светлые деревянные стены домика, я вскочил и задернул тяжелые бархатные шторы, оставив лишь небольшой про свет, чтобы видеть происходящее. Я находился довольно далеко оттуда, да и домик скрывался в тени деревьев. Что бы там ни случилось, меня не должны заметить.

А потом я увидел людей в форме.

Полиция кампуса вместе с настоящими полицейскими, держа на поводках собак, вломилась на вечеринку. Кто-то из студентов сбежал. Другие оказались слишком пьяны и просто не понимали, что происходит. А потом я увидел, как, обводя взглядом собравшихся, в патио вышел декан в сшитом на заказ дорогом сером костюме.

Черт, этот гад меня просто ненавидел.

Полицейские друг за другом выстроили студентов с вечеринки, и рабочие собаки начали их обнюхивать.

«Черт, просто „К-9“²¹ какой-то!»

Внутри все сжалось, когда я понял смысл происходящего. Собаки искали наркотики.

Несколько студентов, пытаясь избежать обыска, неслись по улице. За ними гнались полицейские. Я безмерно порадовался, что решил спрятаться здесь. Но потом услышал, как кто-то постучал в дверь домика.

Плотнее задернув шторы, я взглянул на дверь... и заметил, что она не заперта.

«Черт!»

Не успел я пересечь комнату, чтобы преградить путь незваному гостю, как дверь распахнулась и кто-то скользнул внутрь. Я застыл как вкопанный. Захлопнув и заперев дверь, вошедший, кем бы он ни был, прижался к ней спиной и облегченно вздохнул. Сам же я стоял в крошечной тьме. Гость даже не подозревал, что я здесь.

²⁰ Пив-понг – игра, цель которой попасть шариком для пинг-понга в кружки с пивом, стоящие на половине стола соперника. Тот, в чью кружку попали, выпивает ее. При обоюдном попадании игроки бросают снова.

²¹ Имеется в виду фильм 1989 года «К-9: Собачья работа», где полицейская собака искала наркотики по запаху.

Я едва различал очертания маленькой фигурки. Девчонка. Я даже чувствовал запах ее духов. Или кто-то из игроков «Тайда» вдруг решил, благоухая «Коко Шанель», подобраться к нашим задницам. Если же нет, это точно была женщина.

Продвигаясь вдоль скрытых во тьме стен комнаты, я медленно подбирался ближе к ней. И прилагал все усилия, чтобы не шуметь. Гостя, кем бы она ни была, не должна закричать, иначе она просто нас выдаст. Этого нельзя допустить. Меньше всего мне бы хотелось отвечать на вопросы декана о наркотиках. Этот ублюдок и так считал меня причастным к появлению в кампусе дури. Последние три года всякий раз, когда здесь, в университете Алабамы, возникали проблемы, он обвинял меня. Только на этот раз он оказался прав.

Девчонка неподвижно застыла, прислонившись к закрытой двери, и лишь тяжело дышала. Я моргнул, пытаюсь сфокусировать взгляд, вытянул руку. И случайно коснулся руки госты. Девчонка завизжала. Схватив за плечо, я развернул ее и зажал рот ладонью, чтобы заглушить крик.

Она начала брыкаться и бить меня по рукам, пытаюсь освободиться. Склонившись к ее уху, я прошептал:

– Заткнись! Я тебя не трону. Просто перестань кричать!

Она прекратила дергать ногами, и, схватив за запястье, попыталась отвести от лица мою руку. Но пока я не мог ее отпустить. Прежде нужно убедиться, что она больше не станет кричать. И не закатит истерику.

– Я уберу руку от твоего лица. Но сначала хочу увериться, что ты не привлечешь их внимание. Согласна? – приглушенно спросил я, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не слышалось угрозы. Но не спешил расслабляться. Парень, затыкающий рот девчонке в темноте летнего домика, вполне мог добиться обратного. Из ноздрей госты вырывалось теплое тяжелое дыхание. Она явно пыталась успокоиться. И уже не так сильно цеплялась ногтями мне за руку. – Хорошо. Теперь на счет «три» я отведу руку. Просто помни, я не причиню тебе вреда. Я тоже здесь прячусь. Дашь слово, что не будешь кричать? – спросил я.

Чуть слышно всхлипнув, она кивнула в знак согласия, и прядь мягких волос коснулась моей шеи.

– Ладно, раз... два... три... – тихо произнес я и медленно убрал руку. Девчонка глубоко вздохнула, отошла на пару шагов в сторону и повернулась ко мне лицом. Даже в темноте я видел, как на меня уставились бледно-зеленые, почти бирюзовые глаза.

Черт. Да я их знал.

Эти глаза преследовали меня.

Девчонка, ощутив мою реакцию, подошла чуть ближе. Снаружи вспыхнул яркий свет, просочился в щель под дверью, бросая на пол домика тусклые желтые отблески. С такого близкого расстояния я смог различить лицо. Это оказалась она. И по ее испуганной реакции понял: девчонка меня тоже узнала.

– О-Остин? – заикаясь, спросила она. Похоже, мое присутствие ее не радовало. Отлично, я ведь тоже был не в восторге. – Я... я не знала, что ты здесь. Мне просто не хотелось, чтобы декан снова задавал вопросы. Я заметила домик и решила спрятаться, пока все не закончится. Я... мне очень жаль. Я уйду... Я...

Я даже не обратил внимания на неуверенные, испуганные извинения. Молча обогнув ее, добрался до дивана и сел. Как раз то, что нужно.

Боковым зрением я видел, что девчонка так и осталась стоять возле двери, переминаясь с ноги на ногу. Она явно чувствовала себя неловко и, вероятно, уже подумывала о том, чтобы выйти и рискнуть встретиться с деканом.

Вздохнув, я махнул ей рукой.

– Лучше присядь. Декан не станет торопиться. Ради всех нас тебе стоит держаться подальше от этого ублюдка. Так что, боюсь, выход только один. Тебе придется подождать здесь, вместе со мной.

Словно какой-нибудь мультяшный персонаж, она переводила взгляд с меня на дверь и обратно.

– Я не причиню тебе вреда. Черт, да если нужно, я даже не стану с тобой разговаривать, – резко произнес я и вперил взгляд в стоявший передо мной деревянный кофейный столик. Сквозь окно в крыше виднелась луна. Она, словно прожектор, светила как раз в то место, где я сидел.

Услышав стук каблуков по дощатому полу, я понял, что девчонка решила остаться.

Хорошо. Значит, не дура.

Рядом со мной прогнулся диван. Она присела на край, выпрямив спину и сведя вместе колени. Прямо как в пансионате благородных девиц где-нибудь в Швейцарии. И я поневоле фыркнул от смеха. Повернув голову, она взглянула в мою сторону.

– Что? – прошептала она, и в голосе ее послышалось раздражение.

Я удивленно поднял брови. Всякий раз, когда мы сталкивались прежде, она казалась такой кроткой. Сейчас же решила показать коготки.

Я повернулся к ней лицом, положив левую руку на спинку дивана.

– Ты сидишь так, будто тебе в задницу шест засунули.

Она изумленно открыла рот, а потом, бросив на меня странный взгляд, медленно откинулась на спинку дивана. Девчонка явно пыталась расслабиться. Наблюдая за ней, я чуть не рассмеялся.

А потом мы вновь замолчали. Я чувствовал себя чертовски неудобно.

Вдруг снаружи залаяли собаки. Я вскочил с дивана, подбежал к окну и примерно на дюйм отодвинул занавеску, чтобы видеть двор общежития.

– Черт, – бросил я, рассматривая происходящее.

– В чем дело? Что они ищут? – спросила девчонка с дивана.

Я не ответил, напряженно наблюдая за незнакомым студентом, которого полицейские, заковав в наручники, забрали с собой. Другой полицейский держал изъятый у парня пакетик с белым порошком. Декан прохаживался вдоль ряда учеников, задавая вопросы.

Черт. Я узнал фирменный знак. Товар Холмчих.

«Вот дерьмо!»

Позади меня послышались тихие шаги.

– Остин, что они ищут? Я тут с ума сойду!

Задержав занавеску, я обернулся и увидел перед собой фарфоровое личико эльфа.

– Как тебя зовут? – прямо спросил я. Девчонка, казалось, просто опешила. – Так как? – настаивал я, смущенный странной реакцией на мой вопрос.

Она нервно покачала головой, разметаив по плечам черные как смоль пряди волос.

– Т-ты просто поразил меня, вот и все. Ты никогда прежде не спрашивал моего имени. А учитывая последние несколько недель, странно, что ты вообще хочешь его знать.

Я склонил голову, взглядом побуждая ее ответить на вопрос. Я видел, как она сглотнула. Ее шея казалась такой тонкой, что каждое движение виделось отчетливо.

– Лекси, – выдохнула она, мягко, словно перышко. – Меня зовут Лекси Харт.

Роум не ошибся.

Не знаю почему, но теперь, когда я узнал ее имя, она стала казаться более человечной. И я ощутил себя полным придурком, что так с ней обращался. Она выглядела очень маленькой. И хрупкой. Словно любая мелочь могла ее сломать.

Я не мог отвести от нее глаз. Там, где мы стояли, тени разгонял лишь отливавший синевой лучик лунного света. И казалось, будто бы она только что сошла со страниц какой-нибудь

истории в жанре стимпанк. Светлая гладкая кожа, волосы цвета воронова крыла и эти алые губы. Зеленые глаза напомнили мне море, спокойное летнее море в пламенеющих лучах заката.

Она чертовски прекрасна.

Неловко дернувшись под моим тяжелым взглядом, девчонка обхватила себя руками и спросила:

– Ну? Так что там происходит?

Я прикусил нижнюю губу, раздумывая над тем, стоит ли солгать. Но какой в этом смысл? Кроме Роума лишь малышка Лекси знала, чем зарабатывали на жизнь мои братья и во что оказался втянут я. Настоящий Остин Карилло, существующий вне пределов футбольного поля.

– Собаки, – тихо проговорила она и взглянула на меня чуть испуганно. – Они ведь ищут наркотики, правда?

Я осторожно кивнул.

Шумно дыша, она попятилась к дивану и села на край. Опустив голову, принялась сплетать и расплетать пальцы. Она явно обдумывала происходящее. А потом вдруг бросила на меня взгляд из-под длинных черных ресниц и храбро спросила:

– Полагаю, те самые, что продавал твой брат?

И тут же во мне сработал защитный инстинкт.

Рванувшись вперед, я навис над ней и прорычал:

– Это не твое гребаное дело, ты... – Но я замер на полуслове и заставил себя заткнуться. Запрокинув голову, уставился в безоблачное ночное небо и задался вопросом, какой смысл от нее что-то скрывать. Она уже все поняла, видела Аксея за работой. И знала, что нужно молчать, в первую очередь ради собственной безопасности. Так какого хрена я должен ей врать?

Успокоившись, я разжал кулаки и перевел взгляд на девчонку. Лекси вжалась в спинку дивана; в огромных глазах читался такой страх, будто я был Джеком-потрошителем, готовым разорвать ее на части.

«Ты пугаешь меня, Карилло. Я тебя боюсь...»

Ранее сказанные ею слова вновь всплыли в памяти, и мне показалось, будто меня ударили прямо в солнечное сплетение. А я ведь изменился.

И больше не хотел становиться прежним.

Я передвинулся на противоположный конец дивана. Лекси неотрывно следила за моими действиями, словно бы я в любой миг мог наброситься на нее и бить, пока не подчинится.

Вздыхнув, я повернулся в сторону Лекси, но не осмелился на нее взглянуть. Я поступил как подонок и не желал видеть презрение во взгляде девушки.

– Мне не следовало так себя вести, – лишь проговорил я.

Я заметил, как она судорожно вздохнула. Зажмурившись, я представил себе искаженное болью мамино лицо. Мне хотелось объяснить, почему я так себя вел... и, что еще важнее, зачем нужно ее молчание.

– Я просто... Мне нужно всего лишь защитить семью, а ты в данный момент способна нас уничтожить. Ты слишком много видела, Лекси. Мне правда хотелось бы, чтобы все случилось иначе. Для твоего же блага и ради себя самого. Я не пожелал бы такого никому из нас... но уж что есть.

Я заметил, что, глубоко вздохнув, она немного расслабилась. Я же не осмеливался даже смотреть в ее сторону.

– Ты поэтому здесь прячешься? – неуверенно спросила она.

Я неохотно кивнул.

– Ты... ты тоже торгуешь наркотиками?

И я резко повернулся к ней.

– Да нет же, черт возьми. Не торгую. Я не занимался этим уже много лет. Хотя ты, вероятно, слышала иное. Я больше не состою в банде. С тех пор, как меня взяли сюда играть за «Прилив».

Казалось, ее покинули последние остатки напряжения.

– Но твой брат все еще в банде? – нервно спросила она.

Я медленно кивнул. Хорошо, что она не сказала «братья». Наверное, Леви она во дворе не видела. Это хорошо. Чертовски здорово.

– Он очень похож на тебя, – вновь заговорила она минуту спустя, жестом показав на мои темные волосы и татуировки, особенно на звезду, изображенную на левой щеке. – Твой брат. – Склонив голову набок, она с любопытством разглядывала меня. – Вы близнецы?

Я встретился с ней взглядом и неохотно ответил:

– Нет, он старше меня. Мы просто похожи, вот и все.

– Можно спросить, почему он по-прежнему живет той жизнью, а ты нет? – выговорила она, и бледное лицо покраснело от смущения. Она знала, что подобный вопрос задавать не стоило.

Я вздернул вверх проколотую правую бровь.

– Спросить можно. Только я не стану отвечать.

Услышав мои слова, она поморщилась.

Вновь повисшее молчание сейчас не казалось таким уж тягостным. Шли минуты. Я внимательно прислушивался, надеясь уловить приближающиеся шаги. Полицейские все еще находились в общежитии. Сквозь толстые деревянные стены домика доносилось глухое бормотание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.